



ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Russian Journal of Humanistic Psychology

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 8 • №1 • 2021

ISSN 2413-6522

В НОМЕРЕ:

Павлова А. В., Редина Е. А.

Стрессовые ситуации и их преодоление..... 8

Леонтьева В. Л., Марихин С. В., Покровская Н. Н., Тюлин А. В.

Психологические факторы регуляции поведения родителей
детей с особенностями развития на фазе диагностики..... 16

Оболонский Ю. В.

Критерии оценки эффективности адаптации
аутсорсинговой бизнес-модели в организациях
реального сектора российской экономики 35

Пятибратова И. В., Худышева М. К.

Применение групповых методов в работе со студентами
МГТУ им. Н.Э.Баумана..... 43

Данилова М. А., Гомба Н. С

Психологические особенности созависимой личности
во временной перспективе..... 48

Хачатрян А. А.

Психологическое сопровождение лиц, страдающих расстройствами
личности на базе психоневрологических клиник..... 55

Ушакова В. Р.

Особенности когнитивной оценки
эмоционального реагирования у детей с ЗПР 60



Стрессовые ситуации и их преодоление

Павлова Анастасия Васильевна, Редина Екатерина Александровна

Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцин, г. Екатеринбург

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Получено: 2021

Опубликовано: 2021

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

стрессовые ситуации, поведение, защитная реакция

АННОТАЦИЯ:

Целью работы стало: Определить способы защиты и поведение испытуемого в стрессовых ситуациях, для их эффективного преодоления.

В работе были использованы методики:

1. Методика диагностики типологий психологической .
2. Исследование индивидуальных копинг-стратегий. Э. Хайм.
3. Методика "Копинг - поведение в стрессовых ситуациях".

Результаты:

По результатам первой методике преобладает защитный механизм – отрицание, а по третьей методике преобладает копинг ориентированный на избегание. Так же по всем методикам совпали результаты о низком уровне преобладания эмоций. Испытуемый не прибегает к эмоциональной защите и поведению в редких случаях. Он старается рационально обдумывать ситуацию и находить выход из нее.

Выводы:

Предполагается, что у испытуемого будет более сильное понимание его психологической защиты и совладения себя.

Рекомендации для того чтобы умело управляться с собственными эмоциями и поведением как в стрессовых ситуациях так и в более эмоционально-спокойных.

Необходимо относиться к себе, своему телу и душе с превеликим почтением и безусловным уважением. А главное любить себя. Важно осваивать основы саморегуляции с помощью произвольного управления самочувствием и управляемой гармонизации настроения. Продолжать в направлении постижения чуда трансформирующего творчества осознанного развития. Выбор в систематическом восполнении энергии, всегда имеет человек, знающий себя, свои потребности и способы их удовлетворения.



Stressful situations and their overcoming

Pavlova Anastasia Vasilievna, Redina Ekaterina Alexandrovna

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Received: 2021
Accepted: 2021

KEYWORDS:

stressful situations, behavior, defensive reaction

ANNOTATION:

The purpose of the work was: To determine the methods of protection and behavior of the subject in stressful situations, for their effective overcoming.

The following techniques were used in the work:

- 1) Methodology for diagnosing psychological typologies.
- 2) Research of individual coping strategies. E. Heim.
- 3) Methodology "Coping - behavior in stressful situations".

Results:

According to the results of the first method, the defense mechanism - denial, prevails, and according to the third method, coping oriented towards avoidance prevails. Also, for all methods, the results about a low level of prevalence of emotions coincided. The subject does not resort to emotional defenses and behavior on rare occasions. He tries to rationally think about the situation and find a way out of it.

Conclusions:

The subject is expected to have a stronger understanding of his psychological defenses and self-control.

Recommendations for skillfully managing your own emotions and behavior both in stressful situations and in more emotionally calm situations.

You need to treat yourself, your body and soul with great respect and unconditional respect. And most importantly, love yourself. It is important to master the basics of self-regulation with the help of voluntary control of well-being and controlled harmonization of mood. Continue in the direction of comprehending the miracle of transformative creativity of conscious development. The choice in the systematic replenishment of energy always has a person who knows himself, his needs and ways to satisfy them.

CITATION

Павлова Анастасия Васильевна, Редина Екатерина Александровна (2021), Стрессовые ситуации и их преодоление. LP (8-1) 1, 9-16 DOI: 10.51233/2413-6522-2021-9-16. <https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>

Pavlova Anastasia Vasilievna, Redina Ekaterina Aleksandrovna (2021), Stressful situations and their overcoming. LP (8-1) 1, 9-16 DOI: 10.51233 / 2413-6522-2021-9-16. <https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>



Стресс, тревогу, напряженнее в определенных жизненных ситуациях испытывает, каждый из нас. Такое anomальное состояние или реакция организма на стрессоры является нормальным. Человеку необходимы небольшие стрессовые ситуации, именно они играют важную роль в дальнейших благоприятных изменениях в жизни самого человека. Однако если стрессовых ситуаций становится все больше, а эмоциональное поведение истощается, то стоит обратить внимание на свое эмоциональное состояние и главное попытаться разобраться в собственных психологических механизмах защиты и Эго защите. В работе рассматривается испытуемый, чья деятельность на прямую связана с ответственностью и стрессорами.

Диагностика типологий психологической защиты (Р. Плутчик в адаптации Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой и др.)

Методика предназначена для определения основных типов эго-защиты.

Шкалы содержащиеся в методике:

1. Отрицание
2. Вытеснение
3. Регрессия
4. Компенсация
5. Проекция
6. Замещение
7. Рационализация
8. Реактивное образование

Опросник состоит из 97 утверждений. Эти утверждения соотносятся с «жизненным стилем» реагирования Эго на психотравмирующие воздействия, то есть с механизмами психологической защиты.

Данная методика дает возможность выявить ведущий механизм защиты и проследить всю иерархическую структуру используемых защит испытуемого.

Рассматривая, копинг – поведение (механизм совладание и психологической защиты), как очень значимые формы адаптационных процессов и реакция поведения испытуемого на травмирующие ситуации, являются друг друга дополняющими.

В результате проведенной методики выявлен следующий процент напряженности механизмов психологической защиты:

Таблица 1
(составлено автором)

Отрицание	73%
Вытеснение	70%
Регрессия	53%
Компенсация	50%
Проекция	50%
Замещение	50%
Рационализация	42%
Реактивное образование (гиперкомпенсация)	20%
Общая напряженность: 51% (средний показатель: 40-50%)	



Рис.1
(составлено автором)



По таблице и диаграмме видно, что преобладает механизм психологической защиты – отрицание (73%). Рассматривая психологический защитный механизм – отрицание, стоит отметить что сама личность будет отрицать аспекты внешней реальности, не смотря на то, что они будут очевидными для окружающих. Испытуемый в стрессовых ситуациях не признает негативное воздействие, любая тревожная информация которая в дальнейшем может привести к конфликту, испытуемым не воспринимается.

Отрицание, как процесс направленный вовне, часто противопоставляется вытеснению - именно он стал второстепенным механизмом психологической защиты по данным таблицы (70%). Вытеснение часто срабатывает у испытуемого как психологическая защита

против внутренних, инстинктивных требований и побуждений. Однако если рассматривать такой механизм защиты индивидуально, то стоит отметить, что испытуемый прибегает к вытеснению для защиты инфантильного «Я», сопротивляться соблазну неспособного. Испытуемый, испытывая тревогу из-за неприемлемых для него импульсов, таких как: мысли, желания, чувства - оставляет их бессознательными.

Такие механизмы психологической защиты, как регрессия, компенсация, проекция, замещение по результатам методики составляют среднюю активность (50%), не исключено, что в определенных случаях может сработать именно один из этих механизмов защиты.

И самый малый процент активности у рационализации (42%) и реактивного образования (гиперкомпенсация)(20%).



Испытуемый в стрессовой ситуации, чаще всего полностью отказывается от осознания неприятной информации. Если же отказаться от неприятной информации не выходит, то испытуемый вытесняет ее. Активное, мотивированное устранение из сознания негативной информации.

Методика «Исследование индивидуальных копинг-стратегий» (Э.Хайм)

С помощью данной скрининговой методики, выявим у испытуемого ведущее копинг-механизмы. Методика включает в себя 26 ситуационно-специфических вариантов копинга. Они распределены в соответствии с основными сферами психической деятельности:

1. когнитивный;
2. эмоциональный;
3. поведенческий.

По результатам методика показала, что для разрешения стрессовой ситуации испытуемый обычно использует продуктивные или относительно продуктивные стратегии. Из когнитивных копингов был выбран вариант относительно продуктивной стратегии - религиозность – испытуемый оценивает свои трудности сравнивая с другими трудными ситуациями, своими или же чужими. Преодолению трудностей испытуемый придает особый смысл. Так же испытуемый может прибегать к вере в Бога и стойкости в вере при столкновении с особо сложными проблемами. Испытуемый чаще всего направлен на сохранение внутреннего спокойствия и действует взвешено и разумно в сложных жизненных ситуациях.

Из эмоциональных копингов был выбран единственный продуктивный вариант – оптимизм – не смотря на

стрессовую ситуацию, испытуемый старается искать плюсы и старается смотреть на жизнь с положительной точки зрения. Так же испытуемый уверен, что даже в самой сложной ситуации можно найти выход, а к трудностям относиться с активным и протестом.

Из поведенческих копингов, испытуемый выбрал продуктивный вариант – альтруизм. В преодолении трудностей испытуемый ищет поддержки в ближайшем социальном окружении или вступает в сотрудничество со значимыми, более опытными людьми. Так же предлагает свою помощь близким если имеет возможность помочь в их ситуации.

Непродуктивных вариантов испытуемый не выбирал.

Методика "Копинг - поведение в стрессовых ситуациях" (адаптированный вариант методики Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера).

Для изучения копинг-поведения человека в стрессовых, трудных жизненных ситуациях в исследовании была использована методика "Копинг-поведение в стрессовых ситуациях". Методика известна точным измерением основных стилей совладание:

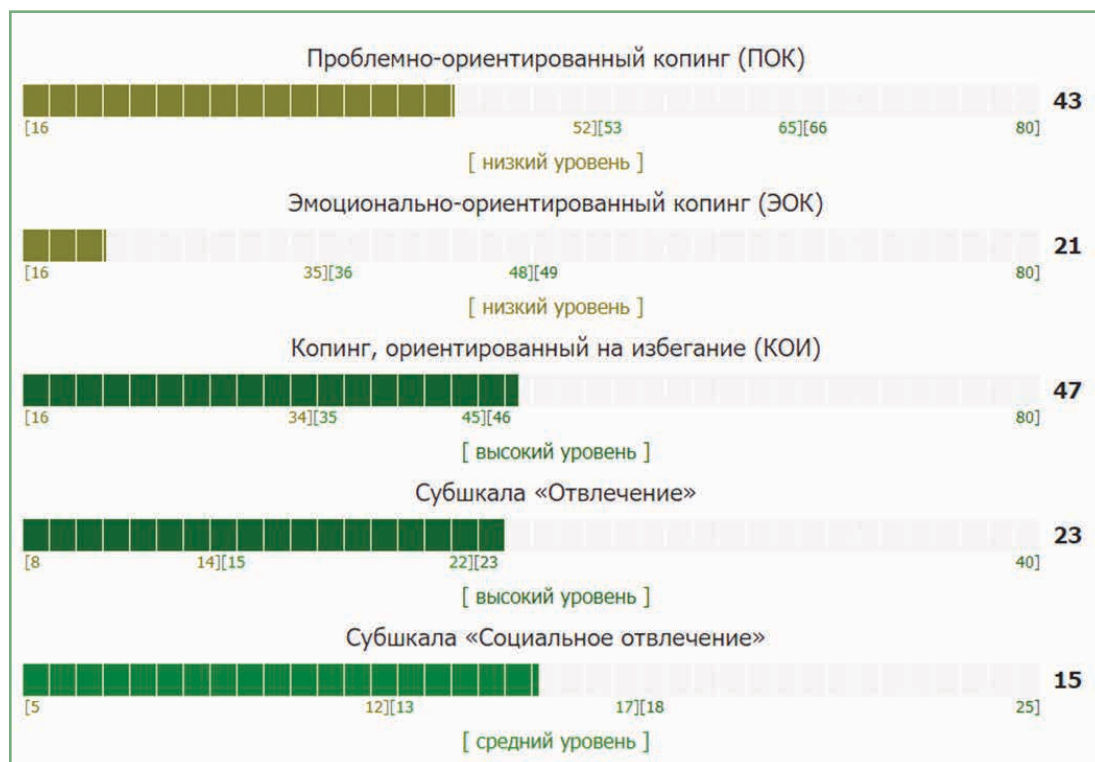
1. проблемно-ориентированный стиль (ПОК)
2. эмоционально-ориентированный стиль (ЭОК)
3. ориентированный на избегание (КОИ)

Благодаря данной методики, возможно сравнение и подтверждение результатов испытуемого по двум предыдущим методикам. Сравнение и анализ позволяет, выявить более точные механизмы психологической защиты и поведения у испытуемого в стрессовых ситуациях.

По методики, были выявлены следующие показатели:



Рис.2
(составлено автором)



Анализ данных, отраженных на диаграмме, показывает, что в наибольшей степени у испытуемого выражена копинг - стратегия «избегание» - испытуемый пытается уйти от решения проблем, как бы заменить проблему действием. Так же старается избежать действительность, которая его окружает.

Копинг КОИ имеет субшкалы – «отвлечение» и «социальное отвлечение». Эти субшкалы у многих могут преобладать по разному. Не обязательно преобладание двух субшкал, однако у испытуемого наблюдается почти равная значимость субшкал «отвлечение» и «социальное отвлечение». Высокий уровень ориентированности на «отвлечение» - испытуемый замещает решение проблемы другим видом активности. Он стремится с помощью телевизора, сна, еды, игры и других видов активности отвлечь себя от стрессовой или тревожной ситуации. У

испытуемого присутствует стремление думать о чем-то другом, отвлекаться на общение, отдых, развлечения, любимые занятия. Менее важной субшкалой для испытуемого является «социальное отвлечение» - занимает средний уровень, если у испытуемого не выходит решить проблему с помощью «отрицания», испытуемый прибегает к решению проблемы с помощью других людей, поиском и использованием социальной деятельности.

Низкий, однако, близкий к среднему уровню ориентированности «проблемно-ориентированный» - для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы испытуемый старается использовать все имеющиеся у него личные ресурсы. К такой стратегии испытуемый прибегает крайне редко, для него она менее значима. Стоит так же отметить низкий показатель ориентированности



на «эмоции» - испытываемый не поддается эмоциям. Эмоциональное напряжение не влияет на решения принятые для преодоления стрессовой ситуации.

К пониманию совладающего поведения существуют разные подходы. Многие представляют совладающее поведение, как сложный многогранный динамический процесс. В исследовании совладающего поведения представляем, как многоактную структуру поведения. Такая структура поведения включает в себя последовательность реакций и действий. Направленность реакций и действий в решение различных задач, изменение текущей ситуации, регуляцию эмоционального состояния. Поведения испытуемого в стрессовых ситуациях, а так же совладание своим поведением является значимым изучением, так как его деятельность отличается крайне высоким уровнем ответственности и напряженности. У испытуемого преобладает механизм психологической защиты - отрицание, что подтверждает, правильность результатов последующих методик. Этот защитный механизм позволяет игнорировать (отрицать) очевидные факты, защищая психику от травм. Полный отказ от неприятной информации. Отрицание часто становится первой реакцией на боль потери или на наличие опасного заболевания. При отрицании спектр эмоций мал и выражен слабо.

По пройденным методикам на копинг, наиболее предпочитаемой оказывается конструктивная копинг-стратегия, предполагающая трезвую оценку ситуации и решение конкретной задачи без особых эмоций. При этом эмоциональное реагирование на трудности присуще испытуемому в наименьшей степени, что может отражать высокую рациональность у испытуемого. В стрессовых ситуациях старается не поддаваться панике, а действовать рационально. Выбирает

продуктивные копинг-стратегии для разрешения таких ситуации, всегда ищет положительные стороны. Об этом свидетельствуют достоверно выраженные корреляционные взаимосвязи между показателями всех проведенных методик.

Список литературы:

1. Бильданова В. Р., Шагивалеева Г. Р. Основы психической саморегуляции. Учебное пособие для студентов высш. Учеб. заведений. 2-е изд., доп. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2009. – 116.
2. Защитные механизмы личности. Константинов А. В. Железное дерево. Излучение. М.: Большая российская энциклопедия, 2008. С. 310. (Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов ; 2004—2017, т. 10). ISBN 978-5-85270-341-5.
3. Защитные механизмы . Мак-Вильямс Н. [http://lib.aldebaran.ru/author/makvilyams_nyensi/makvilyams_nyensi_psihoanaliticheskaya_diagnostika_ponimanie_struktury_lichnosti_v_klinicheskom_processe/makvilyams_nyensi_psihoanaliticheskaya_diagnostika_ponimanie_struktury_lichnosti_v_klinicheskom_processe_0.html Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе] = Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process. М.: Класс, 1998. 480 с. ISBN 5-86375-098-7.
4. Котенева А. В. Психологическая защита личности. М.: МГГУ, 2013. 562 с. 500 экз. ISBN 978-5-91615-037-7.
5. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М.: Академический проект, 1999. 240 с. (Библиотека психологии, психоанализа, психотерапии). 5000 экз. ISBN 5-8291-0002-9.



6. Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. М.: Речь, 2006. 342 с. ISBN 5-9268-0457-4.
7. Одинцова М. А. Механизмы психологической защиты подростков с установкой «жертва» // Вестник практической психологии образования. 2008 . N 3. с. 67.
8. Одинцова М. А., Поваренков Ю. П. Психологическое сопровождение подростков с установкой жертвы (на примере подростков Чернобыльской зоны). Минск, Изд-во «Веды», 2009. 340 с.
9. Профилактика стресса. Методические рекомендации для специалистов отрасли социальной защиты Республики Татарстан. Сост. Л.П. Трошина, О.А. Никитина, Л.Р. Ахмадулина. Казань: Отечество, 2005.
10. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы = Das Ich und die Abwehrmechanismen. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 68 с. ISBN 3-596-42001-6.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Павлова Анастасия Васильевна

студент кафедры «Клиническая психология», Уральского Федерального Университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцин, г. Екатеринбург
E-mail: nastya.pavlova00@list.ru

Редина Екатерина Александровна

Научный руководитель, старший преподаватель кафедры «Клиническая психология и психофизиология», Уральского Федерального Университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцин, г. Екатеринбург

Information about authors:

Pavlova Anastasia Vasilievna

Student of the Department of Clinical Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

Redina Ekaterina Alexandrovna

Scientific supervisor, senior lecturer of the Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg



Психологические факторы регуляции поведения родителей детей с особенностями развития на фазе диагностики

Леонтьева Вероника Леонидовна

Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург

Покровская Надежда Николаевна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург; Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург

Марихин Сергей Васильевич, Тюлин Артем Викторович

Ленинградский государственный университет имени А.С.Пушкина

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Получено: 2021

Опубликовано: 2021

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

психологическое сопровождение, дети с нарушенным слухом.

АННОТАЦИЯ:

Социальная изоляция в период пандемии обострила проблемы психологической поддержки семей, имеющих ребенка с нарушениями сенсорного восприятия. Проблематика анализа роли родителей в коррекции развития детей с особенностями, в частности, с сенсорными нарушениями, достаточно подробно рассматривается с позиций их функциональных обязанностей, но недостаточно широко изучается фактическое положение дел, в частности, выбор родителями таких детей стратегий реакции и адаптации, с учетом современных технологических возможностей коррекции состояния здоровья самих детей. В статье представлены обобщенные результаты исследования совладающего поведения родителей в семьях с детьми с нарушенным слухом, проведенного в 2018-2021 на базе СПб ГКУЗ «Детский Городской Сурдологический центр». Систематизированы проблемы, с которыми сталкиваются родители в момент выбора стратегий и моделей совладающего поведения на основе результатов психологического анализа социальных установок по отношению к роли и статусу ребенка в семье.



Psychological issues of the behavioral regulation for parents of children with developmental features at the diagnostic phase

Leontyeva Veronika Leonidovna

Graduate School of Media Communications and Public Relations of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg

Pokrovskaya Nadezhda Nikolaevna

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University

St. Petersburg Electrotechnical University "LETI"

Marikhin Sergey Vasilievich, Tulin Artem Viktorovich

Leningrad State University named after Alexander Pushkin

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Received: 2021
Accepted: 2021

KEYWORDS:

psychological support, children with hearing impairments.

ANNOTATION:

Social isolation during the pandemic has exacerbated the problems of psychological support for families with a child with sensory impairments. The problem of analyzing the role of parents in correcting the development of children with disabilities, in particular, with sensory impairments, is examined from the standpoint of their functional responsibilities, but the actual state of affairs, in particular, the choice of reaction and adaptation strategies of the parents in families with such children, taking into account modern technological possibilities of correcting the health status of the children themselves. The article presents the generalized results of a study of coping behavior of parents in families with children with hearing impairments, conducted in 2018-2021 on the basis of the St. Petersburg State Public Healthcare Institution "Children's City Surdological Center". The problems that parents face when choosing strategies and models of coping behavior are systematized and are presented from the point of view of the psychological analysis of the social attitude toward the role and status of a child within a family.

CITATION

Леонтьева Вероника Леонидовна, Покровская Надежда Николаевна, Марихин Сергей Васильевич, Тюлин Артем Викторович (2021), Психологические факторы регуляции поведения родителей детей с особенностями развития на фазе диагностики. LP (8-1) 2, 17-35 DOI 10.51233/2413-6522-2021-17-35. <https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>
Leontyeva Veronika Leonidovna, Pokrovskaya Nadezhda Nikolaevna, Marikhin Sergey Vasilievich, Tyulin Artem Viktorovich (2021), Psychological factors regulating the behavior of parents of children with developmental disabilities at the diagnostic phase. LP (8-1) 2, 17-35 DOI 10.51233 / 2413-6522-2021-17-35. <https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>



Введение

Современная социальная наука исходит из базового фундаментального принципа целесообразности социальной интеграции всех человеческих ресурсов в развитие общества. С социально-экономической точки зрения, это позволяет с наибольшей эффективностью инвестировать в человеческий капитал. С социально-психологических и мировоззренческих (философско-антропологических) позиций, этот подход связан с установлением новой иерархии в системе мотивов при переходе от базовых к трансцендентным мотивам («мета-потребности»), что определяется постмодернизацией и насыщенностью рынков на основе технологических возможностей: когда в прошлом XX в. были достигнуты достаточные мощности индустриального производства, включая агропромышленный сектор, удовлетворение базовых потребностей массовым продуктом привело к трансформации экономики в направлении роста сервисной и экономики знаний.

Гуманитарная задача расширения жизненных шансов таких лиц к тому периоду, когда они войдут в социум в качестве полноценных граждан без ограничений их возможностей как их собственной самореализации, так и их вклада в развитие общества.

С точки зрения психологического научного знания, инклюзия задаётся социокультурными регуляторами, прежде всего, гуманитарными ценностно-смысловыми ориентациями [7], и ставит ряд специфических вопросов: от институциональных задач организации психологического сопровождения семей с детьми с особенностями развития вплоть до анализа

поведения семьи и выбора индивидуальных поведенческих стратегий.

В таком подходе нередко упускается из виду два аспекта: планирование долгосрочного будущего приводит к недостаточному вниманию к настоящему моменту, который проживают родители и ребенок, что в свою очередь приводит к недооценке значимости психологической поддержки семьи, в которой родился ребенок с нарушениями в сенсорной сфере.

Период пандемии в значительной мере выявил роль семьи и родителей в обучении (при переходе образовательных учреждений на дистанционный режим) [1; 20] и в целом в воспитании детей (что стало особенно заметно при переходе родителей в режим удаленной работы). И до пандемии проблемная зона психологической поддержки семьи как малой группы, составляющей основное доверительное открытое пространство развития личности ребенка, будущего гражданина общества, выступала важным предметом исследования [2; 6]. Участие и ответственность родителей рассматривались в педагогике с точки зрения обязательного условия эффективности формирующих методик [3; 13; 25], при этом принимаются в расчет социально-экономические ограничения (занятость родителей на работе, необходимость материальной поддержки таких семей), но достаточно редко рассматриваются психологические трудности, с которыми сталкиваются родители [4]. Социальная изоляция в связи с COVID-19 привела к возросшей остроте вопросов о роли психологической поддержки [9] родителей в семьях, имеющих ребенка с сенсорными нарушениями.



Проблематика исследования

Нарушения сенсорного восприятия разной природы составляют одну из основных причин отклонения развития от нормы, в структуре особенностей развития детей существенное место занимают нарушения слуха. Нарушение слуховых функций может иметь различную этиологию, начиная от генетических мутаций или перенесенных травм и инфекций в период беременности, заканчивая последствиями болезней, пережитых после рождения в течение первых 3 лет жизни [11; 15].

Особенности развития в форме нарушения слухового восприятия нередко обнаруживаются не сразу [14], поскольку, с одной стороны, такие нарушения не очевидны: сразу после рождения от ребёнка не ожидают внятной и нормативно заданной реакции на те или иные звуки, а при взаимодействии родителей с ребёнком реакция ребёнка может вызываться не звуками (например, родительскими голосами или стуком и звоном игрушек), а всем поведенческим комплексом родителей (направленным прямо на ребёнка взглядом, прикосновениями, изменениями положения тела, жестами, и проч.). Ребёнок быстро осваивает имеющиеся в его распоряжении наборы сигналов и адаптируется за счёт компенсаторных механизмов психики [8].

В результате, без надлежащей профессиональной медицинской диагностики ребёнок может в течение продолжительного периода времени оставаться без слухового восприятия, приспособившись к миру без звуков, что в дальнейшем может негативно отразиться на формировании его речевых навыков [12; 19; 21] и мышления [22; 23].

Вместе с тем, в сегодняшней повседневной реальности разработаны и активно используются технологические решения, позволяющие 99% людей восполнять недостаточный слух [16; 24; 26]. Медицинские технологии включают в себя, прежде всего, специальное оборудование, заменяющее или компенсирующее недостаточную работу органов слуха, такие как слуховые аппараты и импланты [5]. При этом, чем ранее удастся выявить нарушения сенсорного восприятия у ребёнка, тем быстрее и легче его развитие будет приближаться к норме. Вместе с тем, этому существует ряд помех как социального, так и индивидуального характера. На уровне общества, ставится вопрос о понятии нормы и нормального (или нормативного, требуемого) развития ребёнка: глухонемые люди создали свой специфический язык жестов, литература для глухонемых людей отличается содержательно и текстово (лексически), таким образом, сформирована культура жизни глухонемых, составляющая часть общечеловеческой цивилизации. Семьи глухонемых людей не всегда готовы отказаться от своей культуры в связи с тем, что дети таких родителей теперь могут получить приборы, позволяющие им получать доступ к звуковому восприятию. Эти вопросы, вероятно, требуют самостоятельного изучения и могут рассматриваться на уровне как правового регулирования (с точки зрения приоритетности прав семьи на сохранение культурного наследия или прав ребёнка на максимальное освоение инструментов восприятия, познания и самореализации), так и на социокультурном уровне ценностных ориентаций и установок (с точки зрения иерархии смысловых значений и потребностей, стремления к расширению возможностей



человека или к сохранению имеющегося инструментария и замыкания в сложившихся традиционных способах взаимодействия).

В данной статье рассматриваются психологические факторы, которые отмечаются на уровне поведения родителей как индивидов, входящих в состав семьи и имеющих собственные стратегии адаптации, и на уровне семей как целостных субъектов, имеющих свою структуру и включенных в более широкие родственные структуры (например, в расширенную семью, включая старших и младших близких родственников).

На индивидуально-психологическом уровне помехой для своевременного диагностирования сенсорных нарушений выступает не «невнимательность» родителей: родители не замечают, что дети реагируют на звуки иначе, нежели «должны», во-первых, именно постольку, поскольку «долженствование» слабо применимо к онтогенезу каждого конкретного ребёнка, а во-вторых, из-за желания видеть в своём ребёнке максимальную реализацию природных возможностей и нежелания замечать недостаточные признаки. Это нежелание, с одной стороны, имеет социальную природу – родители прогнозируют реакцию своего окружения и не готовы принять на себя все эффекты стигматизации семьи и каждого индивида в их семье как родителей ребёнка-инвалида, особенного ребёнка, «не такого как все».

С другой стороны, эта неготовность заметить, признать и принять особенность развития своего ребёнка имеет глубокую индивидуально-психологическую природу, связанную со стремлением воплотить в детях прогресс, развитие, «улучшенную версию себя» – и неготовность потерпеть крах в этом уже на таком раннем этапе, когда, кажется, «еще ничего, авось, обойдётся».

На уровне психологии семьи, необходимо учитывать особое положение дедушек и бабушек, братьев и сестёр, племянников,

реакция которых на обнаружение особенностей развития у ребёнка может играть ключевую роль для сплочения семьи в ситуации противостояния выявленной проблеме и выбора реакции «игнорировать» или «решать». Внутренняя структура семьи как малой группы также играет значимую роль: зависимость одного родителя от другого (чаще в современной российской семье это финансовая зависимость мамы ребёнка от папы, но бывают и иные форматы зависимости между членами семьи) может определять стремление скрыть от самих себя и друг от друга факт сенсорного нарушения. Более того, если семья возникла спонтанно и практически случайно без прочной основы общих ценностных ориентаций и приоритетов, а теперь держится на хрупком равновесии взаимных сдержек и противовесов [30], то нарушение такого равновесия воспринимается как угроза самой семье. Опасность распада неустойчивой семейной пары иногда заставляет обоих родителей игнорировать признаки особенностей развития у ребёнка даже тогда, когда они становятся заметны.

Для того, чтобы определить причины такой неготовности, а также сформировать обоснованное представление о проблемах признания диагноза особенностей развития ребёнка, было проведено исследование, результаты которого позволили структурировать основные факторы поведения родителей до диагностики, в момент ознакомления с диагнозом и в первые моменты времени по мере выхода из эмоционального шока при столкновении с фактом особенности развития своего ребёнка.

Целью исследования выступила систематизация связи установок в отношении роли ребенка в жизни каждого родителя и семьи (статусно-ролевых идентификаций ребенка) и поведения родителей на первых этапах ознакомления с диагнозом и принятия решения о начале слухоречевой терапии и реабилитации.



Задачи исследования включали в себя выявление основных ролевых ожиданий родителей в отношении ребенка; оценку скорости прохождения этапа шока и отрицания диагноза и перехода к принятию ситуации (факта нарушения сенсорного восприятия ребенка), необходимости предпринимать действия по слухоречевой терапии, с точки зрения всех обследованных семей и по группам семей с учётом ролевой идентификации ребенка; группировку основных эмоциональных переживаний в период выхода из фазы шока и начала терапии с учётом ролевых ожиданий от ребенка.

Методология

В 2018-2021 гг. в течение более 3 лет в ходе практической работы в Санкт-Петербургском ГКУЗ «Детский городской сурдологический центр» было проведено более 3000 психодиагностических мероприятий и более 1000 психологических консультаций семей с детьми с особенностями развития слуха. В ходе указанных консультаций была сформулирована проблематика и подготовлен гайд пилотного исследования (карточка наблюдения и сценарий интервьюирования), который позволил в 2019-2021 гг. собрать 289 протоколов наблюдения и 91 интервью

с теми родителями, которые уже записались и привезли ребёнка на диагностику.

При очевидной необходимости применить ограничение «ошибки выжившего» к оценке репрезентативности данной выборки (в неё вошли родители, уже выбравшие стратегию признания сенсорного нарушения ребёнка, уже столкнувшиеся с результатом диагностики и проходящие или уже прожившие первый эмоциональный шок). Это замечание ограничивает интерпретацию полученных результатов, тем не менее, для оценочного исследования важны собранные сведения о причинах совершения выбора родителями и семьями той или иной поведенческой модели при подозрении на выявление особенности развития ребёнка.

Гипотеза, выдвинутая при исследовании, состоит в существенном влиянии роли ребёнка в семейном восприятии на выбор стратегии поведения родителей в ходе диагностики и последующего обращения к слухоречевой терапии и реабилитации.

Результаты исследования

В ходе проведенного интервью были выявлены следующие ценностно-смысловые ориентации и установки в отношении восприятия роли ребёнка для родителей:

Таблица 1

Восприятие родителями ребенка как воплощение их ролевых ожиданий, %

Идентификация роли ребёнка	Мама	Папа	Семья
Ребенок – плод любви двух людей	87.9%	90.1%	83.5%
Продолжение и повторение самой, самого себя	91.2%	78.0%	76.9%
Продолжение и повторение любимого супруга	64.8%	64.8%	63.7%
Нормативное требование, признак нормальной семьи («у всех есть ребенок»)	63.7%	57.1%	58.2%
Нормативное требование, признак женщины («у всякой нормальной женщины должен быть ребенок»)	67.0%	51.6%	47.3%



Продолжение рода как биологический смысл существования человека как живого существа	35.2%	95.6%	47.3%
Наследник	17,6%	62,6%	46,2%
Объект, приносящий радость, счастье	45.1%	46.2%	46.2%
Объект, удовлетворяющий любопытство («хотелось наполнить жизнь чем-то новым»)	12.1%	35.2%	29.7%
Предмет гордости родителей («надеюсь, он сможет сделать то, что не сделал я»)	18.7%	34.1%	17.6%
Не запланированное появление ребёнка, нет ролевых ожиданий или негативное восприятие («помеха»)	2.2%	5.5%	1.1%

Составлено авторами на основе собственного исследования.

В таблице представлены мнения, высказанные родителями в ходе первой встречи до диагностики, в которой в ходе сценария интервью обсуждались не прямые вопросы «что для вас значит ребёнок» или «зачем вы завели ребёнка», а задавались косвенные пути обсуждения, например, через разворачивание ответа на формальный вопрос медицинской анкеты, было ли рождение ребёнка желанным и запланированным, или это была нежелательная беременность, которую не удалось по каким-либо причинам прервать. Подобная постановка проблемы позволяла вызвать эмоциональную реакцию удивления или протеста и спровоцировать обсуждение подготовки семьи к рождению ребёнка и/или ожидания рождения и смысла, который семья и каждый из родителей вкладывали в рождение ребёнка.

Высказанные соображения составляют суммарно более 100%, поскольку практически каждый родитель, хотя и называл одну из причин первой или более важной, тем не менее, обсуждал и другие важные ролевые ожидания от появления ребёнка в семье. Так, в рамках вербализации восприятия ребёнка большинство высказалось за любовь между двумя родителями как основной и важнейший фактор отношения к ребёнку – ребёнок как «плод любви» занимает второе место у женщин

(87,9%) и у мужчин (90,1%), но при обсуждении общее мнение семьи (мнение, на котором оба родителя пришли к безусловному и уверенному согласию) составило 83,5% и заняло первое место. Для женщин первое место заняло восприятие ребёнка как повторение самой себя (91,2%), для мужчин этот аспект занял только 3-е место (78,0%), но семьи в целом пришли к выводу, что эта роль ребёнка в мире занимает 2-е место (76,9%), т.е. расхождения в этом пункте оказались серьезными для 6 человек, и лишь 70 семей согласились воспринимать ребёнка как продолжение родителя. Не менее любопытно расхождение в обсуждении вопроса, является ли ребёнок повторением супруга («я хотела родить копию любимого мужа» или «я хотел, чтобы у меня была еще одна такая девочка, как моя жена») – 59 женщин (64,8%) и 61 мужчина (67,0%) упомянули подобные ролевые ожидания от ребёнка, и лишь 58 семей (63,7%) согласились по этому вопросу.

Были выявлены также 2 типа нормативных требований, навязанных социальными стандартами, в которых ребёнок выступает «обязательным» признаком: семья и женщина «должны» обладать такой характеристикой, как ребёнок. Любопытно, что несмотря на советский период равноправия женщин и мужчин и несмотря на современные тенденции



сближения гендерных ролей, аналогичного требования к мужчине высказано не было (никто из 91 семей, соответственно 182 родителей, не упомянул мысли, что «у всякого полноценного мужчины должны быть дети»). Кроме того, в оценке «долженствующей» роли ребенка как признака семьи наблюдалось достаточно четкое единодушие (58 женщин и 52 мужчины поддержали эту мысль и 53 семьи выразили единое мнение), а по роли ребенка как условия полноценности или нормальности женщины мнения разошлись более серьезно (61 женщина чувствовала себя обязанной родить мужу ребенка, но лишь 47 мужчин усматривали в решениях жены такую обязанность, и только 43 семьи пришли к единому мнению по данному восприятию ребенка).

В целом, обнаружили единые ответы семей (обоих родителей) по ряду вариантов ответа, когда в ходе интервью один из родителей соглашался и поддерживал второго в каком-либо утверждении. При этом, по ряду вариантов обнаружили заметные отличия, в частности, наиболее яркое отличие было обнаружено по идее продолжения рода (мужчины высказали более традиционную и рациональную биологическую причину как объяснение появления ребенка в семье, причем из 87 только 11 мужчинам удалось переубедить мам в том, что рождение ребёнка связано с инстинктом воспроизводства) и по удовлетворению любопытства (только 11 женщин хотели «узнать, что такое ребенок» и 32 мужчины, которым, однако, в целом удалось убедить мам в том, что это действительно было интересно – ещё 16 женщин в итоге согласились, что это важный фактор появления ребенка в их жизни и в их семье).

Интересны характеристики роли ребенка как наследника: лишь 16 женщин упомянули наследство или наследие как важное ожидание от ребенка, при этом 57 мужчин (62,6%) активно обсуждали мысль,

что ребенок должен унаследовать, прежде всего, культурные коды, и во вторую очередь, активы – «а кому же я передам...» (как имущество указывались самые разные версии, от радиоуправляемых вертолётов до коллекции советских монет, вплоть до квартиры, машины и дачи, профессии и даже своего дела). Вместе с этим, единое мнение по этому вопросу сформировалось у 42 семей, т.е. отцы переубедили 26 мам в значимости роли ребенка как наследника. Хотя этот вопрос не рассматривался в данном исследовании, на полях можно отметить, что в начале XXI в. по-прежнему дочка воспринимаются, прежде всего, наследницами имущества, а сыновья – наследниками деятельности (профессии, ремесла, бизнеса).

Наконец, важным результатом можно считать тот факт, что среди участвовавших в исследовании семей воспринимают ребенка как источник тех или иных эмоций достаточно небольшое число – немногим менее половины респондентов (46,2% семей) возлагают на ребенка роль источника радости и счастья («рожают ребенка для того, чтобы он радовал»), роль развлечения и удовлетворения любознательности («хотелось попробовать что-то новое», «наполнить жизнь») – 29,7%, считают, что ребенок будет предметом их гордости («он добьется большего, чем я») – 17,6%.

Лишь одна семья сошлась на негативной роли ребенка, отметив, что ребенок стал продуктом нежелательной беременности и является помехой для жизни обоих родителей, помимо этой семьи, еще 1 мама и еще 4 отца заявили, что ребенок не был запланирован, никакой роли в семье не играет, появился вынужденно, с его появлением пришлось смириться. Обращает внимание тот факт, что среди этих семей только семья, пришедшая к согласию по поводу «вреда» от ребенка для их благополучной жизни, прошла курс слухоречевой реабилитации до конца, эффективно и быстро. Остальные 5 семей



из этой группы в течение реабилитации и курса психологического сопровождения испытывали серьезные сложности, 4 брака распались за период 2019-2021.

Выводы

В рамках исследования целью было структурирование и систематизация психологических факторов, определяющих готовность родителей принять поставленный диагноз нарушения сенсорного восприятия и эффективность их участия в дальнейшем проведении курса слухоречевой реабилитации. Проведенная систематизация восприятия ребенка в семье и ожиданий относительно роли, которую сыграет ребенок, позволяет предварительно оценить факторы, которые, во-первых, препятствуют принятию родителями диагноза ребенка, во-вторых, определяют длительность прохождения первой фазы шока при сообщении диагноза (т.е. родители приступают к процессу слухоречевой реабилитации сразу или спустя длительное время), в-третьих, способствуют адекватному поиску информации и готовности к повышению осведомленности о диагнозе (сбор сведений о типах,

технологиях и перспективах реабилитации, проведенный родителями к моменту ее начала); в-четвертых, облегчают прохождение этапа принятия диагноза с точки зрения содержания проживаемых эмоций.

Так, в момент постановки диагноза практически всегда возникает стресс и потребность в психологической консультации, что затем перерастает, в отдельных случаях, в длительное системное психологическое сопровождение родителей, которое было предоставлено почти половине семей из выборки (более чем 40 семей за период более 3 лет получили системное психологическое консультирование).

Для получения информации о влиянии ролевых ожиданий от ребенка как участника семьи на поведение родителей был проведен кросс-анализ ролевых ожиданий от ребенка и длительности принятия диагноза (в выборку попали только семьи, обратившиеся к слухоречевой реабилитации, т.е. в итоге принявшие диагноз); готовности родителей к самостоятельному поиску и сбору информации; содержания проживаемых эмоций. Данные представлены по количеству семей и в долях, составляющих по строке 100%, в таблицах 2-3, 4-5 и 6-7.

Таблица 2 Скорость принятия родителями диагноза сенсорного нарушения, число семей

Идентификация роли ребёнка	Сразу	1-7 дней	1 мес	6 мес	до 7 дней	Всего
Ребенок – плод любви	51	17	7	1	68	76
Копия самого родителя	58	6	5	1	64	70
Копия супруга	54	3	1	0	57	58
Признак, квалифицирующий семью	28	15	6	4	43	53
Признак полноценности женщины	16	15	9	3	31	43
Биологическое продолжение рода	34	8	1	0	42	43
Наследник	15	13	12	2	28	42
Объект радости	20	12	8	2	32	42
Объект любопытства	21	5	1	0	26	27



Объект гордости	6	5	2	3	11	16
Случайный ребёнок	1	0	0	0	1	1
В целом, решение приняли:	58	17	12	4	75	91

Составлено авторами на основе собственного исследования.

Таблица 3
Скорость принятия родителями диагноза сенсорного нарушения,
% к числу выбравших ролевую идентификацию ребёнка

Идентификация роли ребёнка	Сразу	1-7 дней	до 1 мес	до 6 мес	до 7 дней
Ребенок – плод любви	61,1%	22,4%	9,2%	1,3%	89,5%
Копия самого родителя	82,9%	8,6%	7,1%	1,4%	91,4%
Копия супруга	93,1%	5,2%	1,7%	0,0%	98,3%
Признак, квалифицирующий семью	52,8%	28,3%	11,3%	7,5%	81,1%
Признак полноценности женщины	37,2%	34,9%	20,9%	7,0%	72,1%
Биологическое продолжение рода	79,1%	18,6%	2,3%	0,0%	97,7%
Наследник	35,7%	31,0%	28,6%	4,8%	66,7%
Объект радости	47,6%	28,6%	19,0%	4,8%	76,2%
Объект любопытства	77,8%	18,5%	3,7%	0,0%	96,3%
Объект гордости	37,5%	31,3%	12,5%	18,8%	68,8%
Случайный ребёнок	100%	0,0%	0,0%	0,0%	100%
В целом, решение приняли:	63,7%	18,7%	13,2%	4,4%	82,4%

Составлено авторами на основе собственного исследования.

Кросс-таблицы показали, с одной стороны, статистически значимые различия между отдельными ролевыми ожиданиями от ребенка и изучаемыми параметрами, с другой, позволили получить дополнительные сведения о значимом факторе расхождения ролевых ожиданий между двумя родителями на эффективность прохождения первых фаз выбора стратегии семьи по воспитанию ребенка с сенсорными нарушениями.

Как видно из таблицы 2, наибольшее число семей, принявших решение сразу же, как только им сообщили диагноз, включает в себя семьи, где роль ребенка состоит в «воспроизведении» родителей – 58 семей,

где ребенок был рожден, чтобы быть продолжением и повторением самого родителя и 54 семьи, где ребенок должен воплощать в себе черты любимого супруга. Такая ориентация, наряду с продолжением рода и ролью ребенка в наполненности жизни («любопытства»), позволила более чем 90% семей принять решение сразу или в пределах одной недели (табл. 3).

Хотя очень близкое значение (89,5%) характеризует семьи, заявившие, что ребенок является плодом любви двух родителей, но из них лишь две трети, 67,1%, приняли такое решение сразу же, а еще 17 семей (22,4%) взяли себе нескольких дней на осмысление, свыкание с диагнозом,



перепланирование и реорганизацию жизни. На основе дальнейшего консультирования и более тесной и плотной работы с семьями сформировалось предположение, что для части родителей, высказавших мысль о любви как ключевой причине появления ребенка, «любовь» является стереотипным ответом, а не объясняющей концепцией. Так, часть этих семей одновременно с утверждением, что ребенок появился в результате решения двух любящих человек, давала также ответы «моя копия», «мое повторение» и «копия любимого человека», а также «биологически естественное продолжение рода». Эта группа действительно рассматривала ребёнка как сакральную данность, и раз уж ребёнок обладает какими-то конкретными чертами, то с этим надо делать всё, что можно сделать, т.е. предоставить ребёнку максимальные возможности, исходя из его особенностей. Другая часть этих семей одновременно с ответом «плод любви» характеризовала ребенка как неизбежность в силу социальных стандартов

(«что за семья без ребенка» и «каждая нормальная женщина хочет детей, без вариантов»), т.е. отсутствие детей рассматривается как болезнь или отклонение. В этой второй группе, ориентирующейся по социальной оценке нормы, оказалось больше родителей, отложивших принятие диагноза на неделю или месяц.

Напротив, доли семей, размышлявших от недели до полугода, оказались наибольшими среди считающих ребенка «наследником» (33,3%), «объектом гордости» (31,2%), а также признаком полноценности женщины (27,9%) или семьи (18,9%). Однако это время было потрачено не на поиск информации (см. таблицы 4 и 5).

Вопреки ожидаемому поведению, среди родителей, обратившихся к реабилитации, значительно менее 90% родителей погрузились в активное изучение сферы кохлеарной имплантации и других технологий и программ слухоречевой реабилитации – можно предположить, что большая часть семей решила довериться специалистам государственного учреждения.

Таблица 4
Степень самостоятельных усилий для осведомленности
о перспективах реабилитации, число семей

Идентификация роли ребёнка	Хорошо подготовлены	Ознакомились	Не искали
Ребенок – плод любви	43	32	1
Копия самого родителя	48	20	2
Копия супруга	41	15	2
Признак, квалифицирующий семью	16	30	7
Признак полноценности женщины	8	24	11
Биологическое продолжение рода	28	15	0
Наследник	10	27	5
Объект радости	19	20	3
Объект любопытства	15	11	1
Объект гордости	5	9	2
Случайный ребёнок	0	1	0

Составлено авторами на основе собственного исследования.



Таблица 5
*Степень самостоятельных усилий для осведомленности
 о перспективах реабилитации, % к числу выбравших ролевую идентификацию ребёнка*

Идентификация роли ребёнка	Хорошо подготовлены	Ознакомились	Не искали
Ребенок – плод любви	56%	42,1%	1,3%
Копия самого родителя	68,6%	28,6%	2,9%
Копия супруга	70,7%	25,9%	3,4%
Признак, квалифицирующий семью	30,2%	56,6%	13,2%
Признак полноценности женщины	18,6%	55,8%	25,6%
Биологическое продолжение рода	65,1%	34,9%	0,0%
Наследник	23,8%	64,3%	11,9%
Объект радости	45,2%	47,6%	7,1%
Объект любопытства	55,6%	40,7%	3,7%
Объект гордости	31,3%	56,3%	12,5%
Случайный ребёнок	0,0%	100%	0,0%

Составлено авторами на основе собственного исследования.

Нулевые значения самостоятельной осведомленности («не искали никакой дополнительной информации») были выявлены у четверти семей с идеей роли ребенка как признака, квалифицирующего «полноценность» женщины, у 13,2% семей с ребенком как признаком нормальности семьи, у 12,5% семей с ребенком-предметом гордости, 11,9% семей с ребенком-наследником. Вероятно, если провести более углубленное исследование, можно проверить гипотезу о сильной социальной ориентации на мнения других людей, что в данном случае выражается в доверии мнению экспертов, врачей и сурдопедагогов.

Среди семей, считающих ребенка продолжением и повторением самих себя и своего рода, большинство ознакомились достаточно подробно со всей доступной

информацией, как выданной и рекомендованной, так и найденной самостоятельно в Интернете – 70,7% и 68,6% семей, в которых ребенок представляет собой повторение супруга и самого родителя и 65,1% – продолжение рода. У последней категории семей не оказалось ни одной семьи, не приложившей никаких усилий к ознакомлению с процессом и перспективами предстоящих процедур и реабилитации.

Тщательно подготовились к прохождению слухоречевой реабилитации ребенка более половины семей, указавших, что ребенок стал результатом любви родителей и служит наполнению жизни (56,6% и 55,6%).

Наконец, группировка содержания переживаний родителей, узнавших о диагнозе ребенка, носит крайне условный характер, поскольку можно с большой



определенностью утверждать, что хотя бы в малой степени родители испытывают весь комплекс эмоций. Тем не менее, среди тех эмоций, которые не только осознаны и озвучены, но и составляли существенный предмет для обсуждения в ходе первых психологических консультаций в ходе слухоречевой реабилитации, можно выделить основные, наиболее сильные эмоции, которые и отражены в таблицах 6 и 7 (суммарно не удалось выделить единственное главное переживание у нескольких семей, поэтому итоговое значение – 102 зафиксированных ответа от 91 семьи) (см. нижнюю строку в табл. 6).

Упрощенно можно представить весь сложный комплекс переживаний в 4 группах: горе (страдание, душевная боль), гнев (протест, негодование, возмущение), вина

(попытка найти причину в себе, вспомнить, какие ошибки совершались при беременности, в момент родов и в первые месяцы после рождения ребенка), страх. Последняя группа включала в себя разнообразные причины для опасений – от ужаса перед стигматизацией ребенка как инвалида, лишения его перспектив самореализации и успешной интеграции в жизнь общества, и себя как родителей ребенка инвалида, вплоть до мыслей о хлопотах, бытовых проблемах и затратах, которые могут быть связаны с выявленными особенностями развития ребенка. Очевидно, что группировки носят обобщенный и упрощенный характер, тем не менее, удалось выявить связь между ролевыми ожиданиями от ребенка и содержанием переживаний.

Таблица 6
Содержание переживаний по группам эмоций в период начала реабилитации, число семей

Идентификация роли ребёнка	Горе	Гнев	Вина	Страх
Ребенок – плод любви	36	31	4	5
Копия самого родителя	27	39	2	2
Копия супруга	38	14	4	2
Признак, квалифицирующий семью	11	17	14	11
Признак полноценности женщины	5	17	14	11
Биологическое продолжение рода	29	12	1	1
Наследник	4	27	5	6
Объект радости	20	15	3	4
Объект любопытства	13	11	1	2
Объект гордости	2	3	6	5
Случайный ребёнок	0	1	0	0
В целом, решение приняли:	38	39	14	11

Составлено авторами на основе собственного исследования.



Таблица 7
Содержание переживаний по группам эмоций в период начала реабилитации,
% к числу выбравших ролевую идентификацию ребёнка

Идентификация роли ребёнка	Горе	Гнев	Вина	Страх
Ребенок – плод любви	47,4%	40,8%	5,3%	6,6%
Копия самого родителя	38,6%	55,7%	2,9%	2,9%
Копия супруга	65,5%	24,1%	6,9%	3,4%
Признак, квалифицирующий семью	20,8%	32,1%	6,9%	3,4%
Признак полноценности женщины	11,6%	55,8%	25,6%	20,8%
Биологическое продолжение рода	67,4%	27,9%	2,3%	2,3%
Наследник	9,5%	64,3%	11,9%	14,3%
Объект радости	47,6%	35,7%	7,1%	9,5%
Объект любопытства	48,1%	40,7%	3,7%	7,4%
Объект гордости	12,5%	18,8%	37,5%	31,3%
Случайный ребёнок	0,0%	100%	0,0%	100%

Составлено авторами на основе собственного исследования.

Из таблиц видно, что группы ролевых идентификаций, связывающие роль ребенка с продолжением родителей или рода, с воплощением взаимной любви родителей, а также со стремлением наполнить ребенком свою жизнь, демонстрируют наименьшее «предпочтение» эмоциональных переживаний вины и страха. Например, чувство вины и страх отметили только по одной семье, нацеленной на продолжение рода, по 2 семьи из группы, выбравшей ориентацию на ребенка как продолжение самого себя; 4 семьи (6,9%), где ребенок должен был стать воплощением супруга, т.е. мама видела в ребенке копию папы, а папа хотел бы получить копию мамы, отметили чувство вины.

Ключевым переживанием выступает группа эмоций горевания и проживания душевной боли (67,4% семей, нацеленных на продолжение рода, 65,5% семей, где родители ориентированы на продолжение супруга). При этом 38,6% семей,

ориентированных на повторение в ребенке самих себя, испытывали ключевое переживание горя и 55,7% таких семей испытывали, в первую очередь, негодование, выражая протест, возмущение.

В то же время, ролевые идентификации, связанные с ребенком как «признаком» или наследником, коррелируют с эмоциями гнева, вины и отчасти страха. Гнев отмечен как главное эмоциональное переживание, прежде всего, в семье с «наследником» (64,3% таких семей чувствовали, прежде всего, негодование).

Наиболее разнородными оказались переживания семей, выделявших в качестве значимой роли ребенка соответствие представлениям о нормальной семье: здесь не удалось внятно выделить ключевое переживание, с лёгким перевесом эмоции гнева (32,1%) и проживании чувства вины (26,4%), но наличествовали и горе, и страх (по 20,8%)



Наряду с комплексом негативных эмоций следует отметить изменение поведения ряда родителей, которое выражается либо в гиперопеке ребенка, либо в обрыве эмоциональной связи с ним.

Очевидно, что данная группировка носит упрощенный и усеченный характер. Так, например, в таблицах перечислены лишь «отрицательные» эмоции, наносящие ущерб ресурсности родителей. Однако в целом ряде семей были обнаружены и ресурсные переживания – повышения сплоченности семей, снижения взаимной агрессии (по словам одной из мам, папа раньше пару раз в неделю впадал в приступ ярости, а после получения диагноза ребёнка за несколько недель ни одного приступа ярости не было), готовности родителей уделить больше внимания ребенку. Вместе с тем, хочется отметить, что такие ресурсные состояния нередко рассматриваются в работе с детьми с особенностями развития как нечто изначально данное и само собой разумеющееся [10; 17], предполагается, что родители должны и могут эффективно включаться в реабилитацию ребенка. В то же время, фактически, позитивные эмоции и готовность вкладываться в адекватное воспитание ребенка (не компенсируя страх гиперопекой и не диссоциируясь от эмоций, не отдаляясь от ребенка) составляют скорее радостное для специалистов исключение, а не ту базу, на которой может строиться воспитание ребенка с особенностями развития.

В этой связи следует говорить о недооценке проблем, испытываемых родителями детей с сенсорными нарушениями.

Наконец, хотя рассчитанные корреляции не обладают статистической значимостью, тем не менее, корреляция скорости принятия решения с ответами семьи оказалась в два раза ниже, чем корреляция с ответами отцов. Создалось впечатление, что родители-мужчины чаще принимали решение и определяли момент обращения

к реабилитации, но уровень рассчитанной корреляционной связи слишком слаб (0,096 против 0,049) для статистического подтверждения такой гипотезы.

Заключение

Как отмечают многие исследователи, одним из важнейших компонентов адекватного воспитания, гармоничного развития и психического здоровья ребенка является состояние родителей [4; 5; 29]. Если родители, узнав о сенсорном нарушении ребёнка, погружаются в негативные эмоциональные переживания, то семья снижает свои возможности гармонично развивать ребёнка, воспринимать рекомендации специалистов и чётко выполнять их инструкции.

В случае, когда родители достаточно долго находятся в состоянии проживания собственного горя, негодования, чувства вины или страха и не могут выйти из него, чтобы сосредоточить внимание на ребёнке, можно ожидать сложностей с проведением слухоречевой терапии и реабилитации. Следствием может стать затрудненная адаптация ребенка к изменяющимся условиям среды, и, как следствие всего вышеперечисленного, снижение потенциала развития и сужение возможностей соответствовать требованиям в образовании [18; 27; 28]. Важно помнить, что ребенок запоминает и переносит на себя модель поведения того, с кем находится больше всего времени, а также перенимает поведенческие реакции, мимику, и жесты тех, кто, по мнению ребенка, выглядит эффектно и успешно способен добиваться желаемого. Поэтому родители могут заложить деструктивное начало в развитии психики ребенка, его будущего характера и личности.

В связи с этим, одним из наиболее важных моментов в реабилитации ребенка становится также и психологическая реабилитация родителей ребенка с



нарушенным слухом. Это определяет необходимость глубокого и всестороннего изучения проблематики психологического сопровождения семьи как среды развития ребенка.

Раньше, если ребенок имел нарушение слуха, родителям приходилось принимать это как данность, и все исследования, проводимые в области родительско-детских отношений, сводились к исследованию затяжного стресса и тяжелых эмоциональных переживаний. Современные достижения врачебных технологий позволяют детям получить качественную замену утраченного слуха на ранней стадии. Следовательно, необходимо по-новому изучать как психическое состояние родителей, так и возможности сопровождения и помощи родителям, которые должны понять, что их ребенок, использующий слуховые аппараты или речевые процессоры, практически не отличается от своих сверстников, за исключением ношения аппаратуры, которая позволяет ребенку воспринимать все звуки, которыми наполнен окружающий ребёнка мир.

Для коррекции состояния родителей и повышения их ресурсности необходима разработка методов и программ психологического сопровождения родителей детей с нарушенным слухом.

Список литературы:

1. Абабкова М. Ю., Покровская Н. Н. Актуальные проблемы нейроэтики в маркетинговых исследованиях // Конфликтология. 2016. № 3. С. 232-246.
2. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н. Коммуникативная эффективность как фактор доверия: анализ эмоционального интеллекта и ценностных ориентаций сотрудников организации // Актуальные проблемы социологии и управления. Межвузовский сборник научных трудов. – СПб: СПбГЭУ, 2016. С. 5-13.
3. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания / Под ред. А. А. Бодалева. – М.: Изд-во «Ин-т практ. психологии», 1996. – 384 с.
4. Аникеенко А. А., Игишева Л. Н., Данильченко Я. В., Авдюшкина Т. В. Социально-психологические особенности детей после радикальной коррекции врожденного порока сердца // Сибирский журнал клинической и экспериментальной медицины. 2020. №. 35(3). С. 59-66. <https://doi.org/10.29001/2073-8552-2020-35-3-59-66>.
5. Аносова Л. В., Левина Е. А., Чутко Л. С. Роль нейропротективной терапии в абилитации детей с сенсоневральной тугоухостью IV степени после проведения кохлеарной имплантации // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2015. – №115(10-2). – С. 43-46.
6. Богомяткова О.Н. Системный семейный подход в обеспечении психологического здоровья ребенка // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. №1. с. 137-150.
7. Волкова И. П., Ломакина Ю. М., Писаренко Е. Н. Ценностно-смысловые установки как личностный ресурс оптимизации процесса социальной реабилитации инвалидов по зрению // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2020. – №195. – С. 47-56.
8. Выготский Л. С. Принципы социального воспитания глухонемых детей. Проблемы дефектологии. М.: Просвещение; 1995.
9. Вылкова Е. С., и др. Россия и мир во время и после пандемии covid-19: вызовы и возможности: Коллективная монография. СПб.: ИПА вузов, 2020. – 274 с.
10. Гончарова Е. Л., Кукушкина О. И. Изменение статуса ребенка с кохлеарным имплантом в ходе



- реабилитации // Вестник оториноларингологии. 2015.
11. Денисова О. А., Заболтина В. В., Леханова О. Л. Проектирование программы подготовки межведомственной команды специалистов для работы с детьми раннего возраста // Раннее развитие и коррекция: теория и практика: сб. науч. ст. по материалам науч.-практич. конф. (07-09 апр. 2016 г., Москва). – М., 2016.
 12. Зонтова О. В. Коррекционно-педагогическая помощь детям после кохлеарной имплантации: метод. реком. – СПб. Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
 13. Кобрин Л. М. Абилиитационная работа с детьми раннего возраста с нарушениями слуха: учеб. пособие. – СПб. Наука–Питер, 2005.
 14. Кобрин Л. М. Особенности диагностической и коррекционной работы с неслышащими детьми в условиях интеграции // Рос.оториноларингология. – 2006.
 15. Кобрин Л. М. Принципы и направления абилиитационной работы с детьми раннего возраста с нарушениями слуха / Актуальные проблемы коррекционной педагогики, специальной психологии и детской психиатрии: материалы междунар. науч.-практ. конф. 22–24 апреля 2009 г. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2009.
 16. Королева И. В. Кохлеарная имплантация глухих детей и взрослых. Электродное протезирование слуха (Серия «Специальная педагогика»). – СПб.: КАРО; 2009.
 17. Кукушкина О. И., Гончарова Е. Л. Динамическая классификация детей с кохлеарными имплантами – новый инструмент сурдопедагога // Дефектология. – 2014. – №2.
 18. Кукушкина О. И., Гончарова Е. Л. Задачи сурдопедагога на разных этапах помощи детям с кохлеарными имплантами // Дефектология. 2013. №6.
 19. Кукушкина О. И., Гончарова Е. Л. Реабилитация ребенка с кохлеарным имплантом: «точка запуска» новых слуховых возможностей // Вестник оториноларингологии. – 2016.
 20. Леонтьева В. Л., Абабкова М. Ю., Покровская Н. Н. С преподавателем или без? метод биологической обратной при выборе формы организации учебного процесса // Живая психология. 2020. Т. 7. № 1 (25). С. 8-20.
 21. Лурия, А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 253 с.
 22. Лурия А. Р., Юдович Ф. Я. Речь и развитие психических процессов у ребенка. М.: Изд-во Акад. Пед. наук РСФСР, 1956. - 94 с.
 23. Розанова Т. В. Развитие памяти и мышления глухих детей. – М.: Педагогика, 1978.
 24. Сатаева А. И. Кохлеарная имплантация как средство помощи глухим людям // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. №1. 2008.
 25. Сатаева А. И. Первоначальный период работы с глухими дошкольниками после кохлеарной имплантации // Дефектология. – 2012. – № 2.
 26. Таваркиладзе Г. А. Кохлеарная имплантация. – М.: Святигор-Пресс, 2004.
 27. Тарасова Н. В., Дайхес Н. А., Орлова О. С. Сурдопедагогическая помощь в комплексной реабилитации пациентов после кохлеарной имплантации // Два века российской сурдопедагогики: материалы всерос. конгресса сурдопедагогов. – СПб.: Наука-Питер, 2006.
 28. Шац И. К. Психологическая поддержка тяжелообольного ребенка: моногр.– СПб.: Речь, 2010.



29. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В. Клинико-психологические методы семейной диагностики и семейная терапия. – СПб.: Речь, 2001.
30. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Психология и психотерапия семьи. – СПб., 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Леонтьева Вероника Леонидовна
кандидат технических наук, доцент,
Высшая школа медиакоммуникаций
и связей с общественностью Гуманитарного
института Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра
Великого, Санкт-Петербург (Россия)
E-mail: leontieva_vl@spbstu.ru
SPIN: 9248-0902
ORCID: 000-0001-8927-5374

Покровская Надежда Николаевна
доктор социологических наук, профес-
сор; профессор кафедры связей с обще-
ственностью и рекламы Института
философии человека; профессор Выс-
шей школы Медиакоммуникаций и свя-
зей с общественностью Гуманитарного

института; профессор кафедры иннова-
ционного менеджмента,
Российский государственный педагоги-
ческий университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru
SPIN: 411341 / 9551-5297
ORCID: 0000-0002-0795-8102

Марихин Сергей Васильевич
доктор педагогических наук, доцент,
профессор Кафедры психологии разви-
тия и образования, Ленинградский
государственный университет имени
А.С.Пушкина
SPIN: 6572-9591

Тюлин Артем Викторович
аспирант, Ленинградский государствен-
ный университет имени А.С.Пушкина
ORCID: 0000-0002-5037-4735



Information about authors:

Leontyeva Veronika Leonidovna
candidate of technical sciences, associate
professor, Graduate School of Media
Communications and Public Relations of the
Humanitarian Institute of Peter the Great St.
Petersburg Polytechnic University, St.
Petersburg (Russia)
E-mail: leontieva_vl@spbstu.ru
SPIN: 9248-0902
ORCID: 000-0001-8927-5374

Pokrovskaya Nadezhda Nikolaevna
doctor of Social Sciences, professor;
professor of the Department of Public
Relations and Advertising at the Institute of
Human Philosophy; professor at the Higher
School of Media-communications and public
relations, Humanitarian Institute; professor
at Innovation Management dept, Herzen
State Pedagogical University of Russia, Saint
Petersburg, Russia.

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic
University
St. Petersburg Electrotechnical University
"LETI"
nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru
SPIN: 411341 / 9551-5297
ORCID: 0000-0002-0795-8102

Marikhin Sergey Vasilievich
doctor of pedagogy, associate professor,
professor of the Department of
Developmental Psychology and Education,
Leningrad State University named after
Alexander Pushkin
SPIN: 6572-9591

Tulin Artem Viktorovich
Leningrad State University named after
Alexander Pushkin
ORCID: 0000-0002-5037-4735



Критерии оценки эффективности адаптации аутсорсинговой бизнес-модели в организациях реального сектора российской экономики

Оболонский Юрий Владимирович

Институт «Здоровьесберегающих технологий и охраны окружающей среды»

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Получено: 2021
Опубликовано: 2021

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

психология, конфликт, управление конфликтом, предприятия, менеджмент, аутсорсинг.

АННОТАЦИЯ:

В статье представлен анализ критериев оценки эффективности адаптации аутсорсинговых бизнес-моделей и их применения в системе управления конфликтами на предприятиях реального сектора российской экономики.

Criteria for evaluating the effectiveness of adaptation of the outsourcing business model in organizations of the real sector of the Russian economy

Obolonsky Yuri Vladimirovich

Institute for Health-Saving Technologies and Environmental Protection

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Received: 2021
Accepted: 2021

KEYWORDS:

psychology, conflict, conflict management, enterprises, management, outsourcing.

ANNOTATION:

The article presents an analysis of the criteria for assessing the effectiveness of adaptation of outsourcing business models and their application in the conflict management system at enterprises of the real sector of the Russian economy.

CITATION

Оболонский Юрий Владимирович (2021), Критерии оценки эффективности адаптации аутсорсинговой бизнес-модели в организациях реального сектора российской экономики. LP (8-1) 3, 36-43 DOI 10.51233/2413-6522-2021-36-43. <https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>

Obolonsky Yuri Vladimirovich (2021), Criteria for assessing the effectiveness of adaptation of an outsourcing business model in organizations of the real sector of the Russian economy. LP (8-1) 3, 36-43 DOI 10.51233 / 2413-6522-2021-36-43. <https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>



Одной из центральных задач при принятии управленческих решений выступает разработка методических подходов к определению эффекта от адаптации аутсорсинговой бизнес-модели организации реального сектора российской экономики.

Методически верный подход в определении единых критериев оценки эффективности адаптации аутсорсинговой бизнес-модели. В рамках данных критериев, которые отражают преимущества аутсорсинга, целесообразно выделять показатели, характеризующие эффект от разрешения организационного конфликта инновационного развития в организации реального сектора экономики в сопоставлении параметров исходной и преобразованной модели состояния организации.

В ряде отечественных и зарубежных источниках ставится задача определения критериев эффективности, но пока не сформирован единый методический прием, позволяющий производить оценку эффекта от внедрения аутсорсинга в промышленной организации.

Однако важность такой оценки признают практически все исследователи современного аутсорсинга. В этой связи следует поддержать позицию Д.М. Михайлова, который отмечает: «Для любой компании-заказчика на определенном этапе использования аутсорсинговых услуг важным становится вопрос о том, каким образом оценивать... эффективность аутсорсинговых услуг... Постановка вопроса оценки эффективности аутсорсинга не может не волновать».

Дж. Хейвуд пишет: «...критерии оценки лишь в редких случаях устанавливаются до начала реализации проекта». Исследователь не без основания считает показателями эффективности аутсорсинга

улучшение обслуживания, качества, повышение скорости выполнения работ, снижение затрат на производство продукции.

Во многих источниках активно применяется, но не раскрывается термин «эффективный аутсорсинг». Надо полагать, что его применению авторы подразумевают эффективно функционирующий аутсорсинговый менеджмент, хотя самого это понятие не применяется.

В своих работах В.В. Синяев стремится дать оценку эффективности аутсорсинга в строительстве с позиций экономической целесообразности аутсорсинга, модели оценки эффективности управления коммерческой системой аутсорсинга, а также предлагает модель оценки эффективности аутсорсинга.

Известный исследователь аутсорсинга И. Рудая, определив аутсорсинг как инновационный процесс, определяющий перспективы стратегического развития и будущее организации, рассматривает вопрос об экономической эффективности инновационного процесса. Автор достаточно широко подходит к определению эффективности аутсорсинга, который, по сути, отождествляя с инновационным процессом.

Наличие разнообразных исследовательских подходов свидетельствует о сложности и многогранности проблемы определения эффекта от адаптации аутсорсинговой бизнес-модели в организациях реального сектора экономики.

В виду дискуссионности данной проблемы методологически оправдано, по нашему мнению, предложить общие критерии оценки эффекта от адаптации аутсорсинговой бизнес-модели. Целесообразно с нашей точки зрения выделить следующие ключевые критерии:

- инновационно-технологический,



- стоимостной (финансовый),
- временной,
- маркетинговый,
- коэффициентный.

Надо отметить, что при всей универсальности в названии данных критериев необходимо определить их особенности применительно к оценке эффективности адаптации аутсорсинговой бизнес-модели в организации реального сектора экономики.

Инновационно-технологический критерий характеризует процесс адаптации бизнес-модели предприятия к требованиям постоянного изменения технико-технологической среды инновационной экономики и запуска новых технологий производства лекарственных препаратов и контрольных процедур.

Данный критерий позволяет оценить рост инновационной активности организации реального сектора экономики с позиции увеличения возможности организации концентрировать ресурсы на инновационных направлениях производства высокотехнологических продуктов.

Исследователями доказано, что индикаторами активности в сфере инноваций выступает динамика показателей внедрения технологических инноваций, освоения продуктовых и организационных инноваций. Иными словами, в рамках инновационно-технологического критерия об эффективности аутсорс-проекта свидетельствует рост инновационной активности организации реального сектора экономики после перехода на аутсорсинговую модель управления организацией. Об этом свидетельствуют следующие показатели:

► Структурные показатели:

- оптимизация структуры кадров в иммунобиологической организации за счет повышения удельного веса специалистов высшей категории производственно-контрольного отдела (технологов, инженеров);

- улучшение технологической структуры производства высокотехнологичной продукции, рост удельного веса нового оборудования и применяемых технологий выпуска и контроля в структуре вне-оборотных активов предприятия;

► Показатели, характеризующие динамику инновационного процесса и обновляемости фондов и продуктовой линейки:

- повышения удельного веса выпущенной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции;
- рост числа новых технологий выпуска продукции и контроля качества продуктов, планируемых к внедрению в кратко- и среднесрочном горизонте.
- рост числа новых продуктов, планируемых к выпуску в кратко- и среднесрочном горизонте.
- число приобретенных новых технологий для выпуска новых продуктов.

Применение аутсорсинговой бизнес-модели позволяет организации реального сектора экономики сконцентрировать ресурсы на инновационной деятельности после выделения вспомогательных внутри-организационных звеньев в отдельные сервисные организации.

Несмотря на важность выделенных выше критериев оценки эффекта, стоимостной критерий выступает одним из основным при определении эффективности реализации аутсорс-проекта на предприятии реального сектора экономики. В рамках данного критерия учитывают основные показатели эффекта, характеризующие следующие показатели:

- скорость и полноту потока финансовых средств от высвободившихся ресурсов организации;
- увеличение массы прибыли и роста прибыльности (рентабельности);
- сокращение финансовых рисков;



- повышение стоимости активов и бизнеса в целом.

Использование стоимостного критерия оценки адаптации аутсорсинговой бизнес-модели организации реального сектора экономики предполагает сравнение стоимостных показателей до начала осуществления аутсорс-проекта и после его укоренения. В рамках стоимостного критерия оценки эффекта от адаптации аутсорсинговой бизнес-модели организации реального сектора экономики выгоды принимают стоимостную форму, отражаясь в абсолютных и относительных показателях.

При рассмотрении аутсорс-проекта, как проекта по инвестированию в организационную инновацию, можно применять методику расчета экономической эффективности инновационной деятельности через показатели чистого дисконтированного дохода, который определяется путем сравнения произведенных затрат и получаемых результатов; индексов доходности или внутренней нормы доходности аутсорс-проекта¹.

Для оценки эффекта от адаптации аутсорсинговой бизнес-модели организации реального сектора экономики можно применять более традиционные для отечественной практики стоимостные показатели, показывающие увеличение массы прибыли и роста прибыльности (рентабельности) организации². Вместе с тем, для оценки эффекта от применения аутсорсинга как инструмента управления конфликтами необходимо анализировать такие экономические показатели как текучесть кадров и сокращение потерь рабочего времени, в т.ч. по болезни. Завершение конфликта благотворно сказывается на поведенческо-психологических характеристиках трудового коллектива и приводит к повышению эффективности труда сотрудников.

В целях получения достоверных оценок об эффекте от применения аутсорсинга необходимо рассматривать не только динамику отдельных индексов эффективности,

а оценивать совокупный эффект и рассматривать систему показателей. Так, при переходе к аутсорсингу формально улучшается показатель эффективности труда сотрудника. Это вытекает из самого содержания аутсорсинга, т.к. передача небазовых функций уменьшает численность собственного персонала и происходит падение собственных мощностей. Если рассчитать производительность труда отдельного сотрудника, то получается, что при меньшей численности персонала даже при том же объеме выпуска продукции выработка одного работника существенно изменилась. Иными словами, применяя традиционные статические формулы расчета, можно зафиксировать значительный рост производительности труда. Отчасти этим объясняется тот факт, что российские предприятия, которые создавались как предприятия с полным циклом производства, статистическикратно проигрывали западным компаниям, которые активно использовали разделение труда и услуги сторонних организаций.

Стоимостной критерий оценки эффекта от адаптации аутсорсинговой бизнес-модели включает в себя стоимостную оценку рисков, связанных с неудачным внедрением аутсорс-проекта и возврата к инсорсинговой бизнес-модели.

Дело в том, что эффективность аутсорсинговой бизнес-модели зависит от компетенций менеджеров организации-заказчика и провайдера аутсорсинговых услуг. Исследователи данного инновационного инструмента управления конфликтами обращают внимание на финансовую сторону стандартных рисков:

- от упущенной выгоды в силу некомпетентности аутсорсера;
- прямых потерь от действия (бездействия) провайдера;
- нарушения конфиденциальности.

Исследователями практически не просчитывается стоимость возврата к схеме самостоятельного ресурсного обеспечения



и воссоздания инсорсинговой бизнес-модели, предполагающей наличие вспомогательных внутриорганизационных звеньев. Данные оперативные и единовременные расходы необходимо просчитывать в процессе составления финансового обоснования аутсорс-проекта как фактор финансового риска аутсорс-проекта.

Совокупным показателем, характеризующим эффект от применения аутсорсинговой бизнес-модели в рамках стоимостного критерия оценки, выступает динамика стоимости бизнеса.

В повышении эффективности организации и всех ее подсистем в первую очередь заинтересованы ее собственники и основные стейкхолдеры. Именно они заказывают и утверждают стратегию развития предприятия не только ради получения текущей прибыли, но и главное - ради увеличения рыночной стоимости бизнеса, которое выражается в увеличении стоимости долей уставного капитала или акций.

В этом отношении следует разделить точку зрения А.Л. Беседина, который предложил рассчитывать превышение роста стоимости бизнеса над балансовой стоимостью предприятия. В данном предложении учтена «системная добавка» («системный коэффициент»), отражающая синергетический эффект от взаимодействия материальных и нематериальных активов предприятия с учетом эффективности менеджмента предприятия. Этот показатель, рассчитанный до и после адаптации аутсорсинговой бизнес-модели, должен показывать прирост стоимости бизнеса организации реального сектора экономики, который важен для его собственника и других стейкхолдеров.

Временной критерий оценки эффекта от применения промышленной структурой аутсорсинговой бизнес-модели предполагает использования временных показателей эффективности.

Для современного бизнеса значимость данного критерия определена следующим.

Помимо широко известных показателей оборачиваемости средств, авторы, разрабатывающие относительно новое направление менеджмента – инновационный менеджмент, предложили в качестве одного из центральных показателей инновационности – показатель ТАТ (turn-around time).

ТАТ фиксирует время с момента осознания организацией потребности или спроса на новый продукт до момента его отправки на рынок или потребителю в серийных объемах.

Применительно к расчету эффективности аутсорсинговой бизнес-модели организации реального сектора экономики этот показатель поможет оценить сокращение длительности процесса разработки нового продукта (новой технологии); подготовки времени внедрения нового продукта; длительности производственного цикла нового продукта. Это стало возможным в силу того, что сотрудники и менеджмент стали более рационально тратить рабочее время на выполнение своих основных функций, не растрачивая на вспомогательные работы.

Маркетинговый критерий «улавливает» настроения конечных потребителей продукции организации реального сектора экономики, а также отражает рост рыночной доли предприятия в государственном заказе, оптовой и розничной торговли. Это рыночная эффективность внедрения аутсорсинга, показывающая насколько полно удовлетворяет промышленная организация запросы потребителя.

Коэффициентный критерий опирается на методику, предложенную Криворотовым В.В. и модифицированную применительно к расчету эффективности адаптации аутсорсинговой бизнес-модели организации реального сектора экономики¹. Согласно данному критерию необходимо рассчитывать коэффициент операционной эффективности ($K_{\text{э}}$), коэффициент инновационности ($K_{\text{и}}$), коэффициент адаптивности ($K_{\text{а}}$). Совокупный эффект по данной методике вычисляется по формуле (1):



$$K = \sqrt[3]{K_{\text{Э}} \cdot K_{\text{И}} \cdot K_{\text{А}}}, \quad (1)$$

При этом расчет самих коэффициентов несложен. Так, операционная эффективность аутсорсинговой бизнес-модели организации реального сектора экономики зависит от соотношения выручки предприятия от всех видов деятельности и затрат на производство отмеченных видов деятельности. При этом коэффициент – это частное от деления операционной эффективности до и после адаптации данной бизнес модели. Другие коэффициенты (индекса) характеризуют стратегическое позиционирование хозяйствующего субъекта, включающее в себя результативность проводимых инновационных процессов и рыночную адаптивность предприятия.

Таким образом, анализ предложенных критериев оценки эффекта от адаптации аутсорсинговой бизнес-модели организации реального сектора экономики позволяет сделать вывод о том, что применение аутсорсинга положительно влияет:

- на внутреннюю эффективность, т.е. эффективность с точки зрения использования внутренних возможностей организации и управления внутренними ресурсами промышленной организации;
- на внешнюю эффективность, т.е. эффективность с точки зрения использования внешних возможностей промышленной организации;
- на общую эффективность, т.е. эффективность в единстве двух ее составляющих – внутренней и внешней эффективности.

Выделенные критерии характеризуют оценку эффекта от адаптации аутсорсинговой бизнес-модели организации реального сектора экономики. Однако данные критерии могут быть дополнены другими критериями. Менеджеры современных

промышленных организацией иммунобиологической отрасли должны владеть всем арсеналом управленческих инструментов для настройки и отладки эффективного механизма управления конфликтами.

Аутсорсинг выступает инновационным инструментом в системе управления конфликтами, но его для применения нужны как общие, так и специальные знания. В процессе мониторинга результативности внедрения аутсорсинга необходимо исходить из системы критериев оценки эффекта от применения данного инструмента.

К данным выводам следует отнести положение о том, что в основе конфликтов в организации реального сектора экономики лежат различия в восприятии персоналом, собственниками и контрагентами предприятия целой совокупности факторов, оказывающих противоречивое воздействие на внутреннюю и внешнюю среду функционирования промышленного предприятия: психолого-поведенческих, технико-технологических, организационно-экономических, социально-экономических, институциональных, экологических.

Методика диагностики состояния организации позволяет выделить доминирующие факторы, лежащие в основе возникновения и развития организационного конфликта в организации реального сектора экономики в условиях инновационной экономики и перехода к новым технико-технологическим укладам.

Методика диагностики причин организационного конфликта в промышленной организации опирается на использование экспертно-аналитического метода; предполагает поэтапность проведения диагностики и построение на заключительном этапе диаграммы, основанной на многопараметрическом анализе причин конфликта и желательных направлений развития организации реального сектора экономики.

В современных условиях возникновение и обострение организационных



конфликтов инновационного развития обусловлены возникающими противоречиями в процессе ускорения технико-технологических и институциональных преобразований и недостаточностью инновационных ресурсов организации для развития всех ее внутриорганизационных структурных звеньев.

Авторами предложено использовать для разрешения организационных конфликтов аутсорсинг в качестве инновационного инструмента управления конфликтами на основе конструктивных изменений во внутренней и внешней среде организации и преодоления ресурсных ограничений.

Для более обстоятельного анализа возможности применения данной организационной инновации в организации реального сектора экономики проанализированы подходы к содержанию аутсорсинга; выделены виды аутсорсинга, применимые для разрешения организационных конфликтов; определены достаточные условия, которые диктуют границы применения аутсорсинга в системе инструментов управления организационными конфликтами.

При дальнейших исследованиях полезно знать о ведущих принципах принятия управленческих решений по внедрению аутсорсинга как инструмента управления конфликтами в организации реального сектора. Авторы надеются, что в управленческой практике найдут применения положения о содержании этапов перехода от инсорсинговой к аутсорсинговой бизнес-модели организации реального сектора экономики. Безусловную ценность, по мнению авторов, имеет теория аутсорсингового менеджмента, который определен как имманентный элемент аутсорсинговой бизнес-модели организации реального сектора экономики.

Авторы уверены, что одно из перспективных направлений развития российского предпринимательства связано с организационными инновациями, среди которых

аутсорсинг, как инновационный инструмент разрешения конфликтов займет достойное место.

Список литературы:

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия Жизни. М.: 1999.
2. Андерсон Э., Тринкл Б. Аутсорсинг в продажах: фактические издержки организации сбыта через независимых торговых представителей. М.: Добрая книга, 2006; Аалдерс Р. ИТ аутсорсинг: практ. рук. / Пер. с англ. С. Зинюк. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004; Спарроу Э. Успешный ИТ-аутсорсинг: от выбора поставщика услуг до управления проектом / Пер. с англ. Ю. В. Алабиной. М.: Кудиц-Образ, 2004 и др.
3. Беседин А. Л. Теоретико-методологические основы реформирования предприятий реального сектора экономики. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2005.
4. Зигерт В., Ланг Л. Руководитель без конфликтов: Пер. с нем. М.: Экономика, 1990.
5. Криворотов В. В. Методология оценки и формирования механизма управления конкурентоспособностью промышленного предприятия. Екатеринбург, 2007. С. 19.
6. Крутько (Бусыгина) И. С. Современный Деловой Мир, в основе которого человек. Живая Психология. Библиоглобус, 2014 год.
7. Лебедев В. И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989
8. Лукашенко, Д. В. (2014) Чтобы быть лидером... Живая психология (1) 2. 41-46
9. Михайлов Д. М. Аутсорсинг: новая система организации бизнеса. М.: КноРус, 2006.
10. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (утв. Минэкономки РФ, Минфином РФ и Госстроем РФ от 21 июня 1999 г. № ВК 477).



11. Немчин Т. А. Состояние нервно-психического напряжения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
12. Оболонский, Ю. В. (2014) Психологическая модель личности. Живая психология (1)2. 52-60.
13. Оболонский Ю. В. Бизнес и Психология. М.: АПКИППРО, 2013.
14. Перелыгина Е. Б. Личность - Устойчивое развитие - Безопасность. Живая Психология. БИБЛИОГЛОБУС, 2014.
15. Рудая И. Л. Методология управления в экономических системах на основе аутсорсинга. М., 2009. С. 20-21.
16. Шеремет А. Д. Теория экономического анализа: Учебник. 3-е изд., доп. М.: ИНФРА-М, 2011.
17. Хейвуд Дж. Брайан. Аутсорсинг: в поисках конкурентных преимуществ. М., 2002. С. 52.
18. Фатхутдинов Р. А. Инновационный менеджмент. 6-е изд., испр. и доп. СПб.: 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Оболонский Юрий Владимирович

Директор института «Здоровьесберегающих технологий и охраны окружающей среды»

E-mail: yury97@rambler.ru

Information about authors:

Obolonsky Yuri Vladimirovich

Director of the «Institute for Health-Saving Technologies and Environmental Protection»

E-mail: yury97@rambler.ru



Применение групповых методов в работе со студентами МГТУ им. Н.Э.Баумана

Пятибратова Инна Викторовна, Худышева Мадина Крухмановна

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Получено: 2021
Опубликовано: 2021

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

групповые методы, тренинговые упражнения, проективная методика, здоровье, образование, здоровый образ жизни.

АННОТАЦИЯ:

Основное внимание авторы статьи уделяют исследованию групповых методов в работе со студентами МГТУ им. Н.Э. Баумана. Определяют целесообразность введения различных форм проведения групповых методов, в результате которых, улучшаются взаимоотношения со сверстниками и раскрываются способности к самостоятельному решению жизненных проблем, а также облегчается процесс адаптации к обучению в ВУЗе, меняются взгляды и социальные установки на здоровый образ жизни.

Applying group methods to work with students MSTU Baumana

Ryatibratova Inna Viktorovna, Khudysheva Madina Krukhmanovna

Moscow State Technical University. N.E. Bauman

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Received: 2021
Accepted: 2021

KEYWORDS:

group methods, training exercises, projective technique, health, education, healthy lifestyle.

ANNOTATION:

The main attention of the authors of the article is paid to the study of group methods in work with students of the M.V. N.E. Bauman. The expediency of introducing various forms of group methods is determined, as a result of which, relationships with peers are improved and the ability to independently solve life problems is revealed, as well as the process of adaptation to studying at a university is facilitated, attitudes and social attitudes towards a healthy lifestyle change.

CITATION

Пятибратова Инна Викторовна, Худышева Мадина Крухмановна (2021), Применение групповых методов в работе со студентами МГТУ им. Н.Э. Баумана. LP (8-1) 4, 44-48 DOI 10.51233/2413-6522-2021-44-48. <https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>

Ryatibratova Inna Viktorovna, Khudysheva Madina Krukhmanovna (2021), Applying of group methods in work with students of M.V. N.E. Bauman. LP (8-1) 4, 44-48 DOI 10.51233 / 2413-6522-2021-44-48. <https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>



В МГТУ им. Н.Э. Баумана специалистами «Лаборатории психологической поддержки студентов» применяются групповые формы работы в виде тренингов, деловых игр, разбор кейсов направленные на различные психологические проблемы, которые волнуют и беспокоят студентов. Выбор групповых форм работы с обучающимися обусловлен тем, что есть возможность охватить большое количество студентов. Дать им практические навыки: в командной работе, в публичных выступлениях, в развитии креативности, в умении решать задачи в ограниченное время. Так же в процессе групповой работы решаются личностные проблемы, изменяется взгляд на свою проблемную ситуацию, осознаются новые способы решения конфликтных ситуаций с преподавателями, однокурсниками, друзьями и родными. Специфика обучения в техническом ВУЗе в том, что основная учебная деятельность у обучающихся связана с использованием технических средств обучения. В связи с этим, групповая форма работы (особенно деловая игра) помогает легко, безболезненно открыться и показать свои коммуникативные способности. Задачами различных форм групповой работы, применяемых в работе специалистов, является развитие психологических и социально-психологических процессов, таких как:

- эмпатия – сопереживание, понимание другого на уровне чувств, переживание тех же эмоциональных состояний, которые испытывает другой человек;
- рефлексия – осознание человеком того, как он воспринимается партнером по общению, способность к самоанализу психических состояний, действий, поступков;
- гибкость по отношению к другим участникам;
- присвоение группового опыта. Осуществляется через эмоциональные переживания в связи с решением проблем участников [2].

В групповой работе предъются такие же действия, как в жизни. В этих, немного искусственных, конечно, условиях мы узнаем у других людей, как нас видят, как воспринимают тот или иной наш поступок, слово или действие. И вот, благодаря честности и безопасности, студенты получают уникальный шанс узнать правду о том, какое впечатление они производят на окружающих, какие реакции вызывают у сверстников. И здесь же специалисты имеют возможность пробовать разные способы взаимодействий, перебирать их и экспериментировать. Это очень ценная возможность, которую дает нам группа.

Успешность групповой формы психологической работы, по сравнению с индивидуальной, обусловлена целым рядом причин. Человек живет в социуме и испытывает потребность в эмоциональном тепле и контакте с другим человеком. Но часто в присутствии других мы чувствуем себя изолированными и одинокими. Социальные противоречия могут вызывать у нас чувства замешательства, недоверия и бессилия. В групповой работе, студент приобретает опыт, который помогает решению проблем, возникающих при межличностном взаимодействии. Кроме того, группа оказывается обществом в миниатюре, отражающим внешний мир и самого человека. Потенциальное преимущество условий групповой работы – это возможность получения обратной связи и поддержки от людей, имеющих общие проблемы или переживания. Проблемы адаптивности и конфликты сопровождаются нарушением



взаимодействия с окружающей действительностью, при которых разрушаются социальные связи, снижается степень полноценности социального функционирования. В связи с этим восстановление утраченных возможностей и развитие новых для большей успешности требует создания условий безопасного, поддерживающего и доверительного общения в социальной микросреде. Перестройка «токсичных» отношений с миром осуществляется в группе за счет таких основных механизмов, как эмоциональная поддержка и обратная связь. Общение в группе усиливает актуализацию внутренних ресурсов и социально подкрепляет личностные достижения. Происходит своеобразная компенсаторная активизация процессов внутреннего саморазвития. Такие индивиды, готовые принимать участие в жизни других, чаще становятся более успешными в жизни. Кроме того, группа усиливает положительный психологический эффект, полученный от занятия. Групповые формы работы способствуют созданию адекватной самооценки, на что существенно влияет эмоциональная поддержка группы. Значимая обратная связь оказывает влияние на оценку студентом своих установок и поведения, формирование его Я-концепции. Часто студент знает, чего он хочет, но требуется соучастие и принятие его позиции группой, чтобы стала возможной попытка самораскрытия. Когда такая попытка самораскрытия и изменения поощряется другими, то, как следствие, усиливается уверенность в себе. Поддержка группы помогает укрепиться в своих решениях изменить что-либо в своей жизни, снять страх перед новым опытом, почувствовать свои силы. Групповое общение имеет колоссальный эффект переоценки значимости происходящих событий и изменения отношения к ним, в результате принятия ценностей и потребностей других.

Это расширяет собственное мировоззрение, позволяет преодолевать стереотипы бессознательного, и способствует становлению большей психологической зрелости.

В качестве примера рассмотрим несколько видов групповых занятий.

1. Дискуссия «Почему я устаю», целью которой является определение условий для профилактики синдрома эмоционального выгорания и поддержки психического здоровья студентов. Среди основных задач дискуссии можно выделить научение психотехническим приемам саморегуляции эмоционального состояния; снятие эмоциональное напряжение; формирование позитивного мышления.
2. Тренинговое упражнение на управление гневом и агрессией «Прогноз погоды», целью которого является научить студентов справляться со своими негативными чувствами и быстрее включаются в жизнь группы. С помощью этого упражнения преподаватель дает студенту понять, что он признает за ним право побыть какое-то время необщительным. В это время другие обучающиеся учатся уважать такое состояние души у каждого человека.
3. Групповая дискуссия «Предлагаем мы выбрать тебе» проводится с целью решения и разбора экзистенциальных проблем студента. Задачами данной дискуссии являются: формирование позитивного мышления, умение конструктивно мыслить и принимать решения в трудной ситуации, умение выбирать правильную стратегию в конфликте.
4. Групповая работа с использованием методов арттерапии «Совместный рисунок». Для получения опыта установления невербального контакта в парах, используется методика совместного рисунка на заданную ведущим или произвольную тему.



Перед началом работы участникам предлагается выбрать набор из 4 -х цветных карандашей, не договариваясь друг с другом, затем предлагается на одном листе бумаги создать общий рисунок. Важно стимулировать участников на более подробное выполнение задания. После завершения работы происходит обсуждение названия и идеи каждого, принять групповое название, а также проанализировать, какие трудности обучающиеся заметили в ходе выполнения совместного задания, что мешало или помогало справиться с заданием. Также анализируется, какой стиль взаимодействия был выбран в паре, кто был ведущим, а кто – ведомым; было ли четкое разграничение по пространству и цвету; а также какие ощущения возникали в процессе, если нарушались границы, менялись цвета, идеи.

5. Проективная методика «Тематические открытки». Задача данного метода состоит в том, что открытки можно использовать в работе для развития творческого потенциала, воображения, для преодоления трудных ситуаций, возникающих у студентов. С их помощью можно рассказать о том, как человек обычно справляется с трудными ситуациями, и найти новые, еще не задействованные, возможности и ресурсы. Использование «Тематических открыток» является эффективным инструментом, позволяющим исследовать ассоциации и образы человеческого подсознательного, помогает раскрыть субъективные причины неэффективных паттернов поведения, реагирования. Можно выделить следующие задачи работы с открытками: развитие креативности; обход рационального мышления; снятие эмоционального напряжения; осуществление диалога «внутреннее – внешнее»; реконструкция прошлых событий, повлекших за собой

возникновение фобии, невроза, психотравмы; прояснение актуальных переживаний и потребностей; завершение «неоконченных» событий, забирающих энергию.

6. В процессе групповых занятий проводится систематическое обучение навыкам психомоторной саморегуляции с помощью комплексной системы методов, направленных на пролонгированное обеспечение фонового положительного функционального состояния организма студента. Регулярное использование разработанного комплекса психомоторной саморегуляции направлено на снижение напряжения определенных групп мышц, которые подвержены воздействию интенсивных нагрузок. Профилактика состояния напряженности, вызванного монотипной деятельностью, малоактивным образом жизни, направлены на, так называемое, двигательное «отреагирование», которое становится возможным в случае выполнения ряда активных двигательных элементов тренинга психомоторной коррекции. Кроме того, овладение культурой движения в системе особым образом построенного взаимодействия позволяет обучающимся выйти на новый уровень рефлексивного анализа, т.к. в процессе осознания собственного состояния в процессе движений отрабатываются навыки переключения и концентрации внимания.

При использовании групповых методов у обучающихся, улучшаются взаимоотношения со сверстниками и раскрываются способности к самостоятельному решению жизненных проблем, а также облегчается процесс адаптации к обучению в вузе, меняются взгляды и социальные установки на здоровый образ жизни. Здоровый образ жизни можно рассматривать как самоорганизующую систему на мировоззренческом, эмоционально-волевом



и потребностном уровнях личности будущего специалиста, в связи с чем, аспекты свободного выбора, добровольности, а также социальной ответственности определяют специфические требования к способу самоорганизации здорового образа жизни.

Список литературы:

1. Петровская Л. А. Теоретические и методологические проблемы социально- психологического тренинга.- М.: Из-во МГУ, 1982.
2. Пиканина Ю. М., Пятибратова И. В., Худышева М. К. Использование социально-психологического тренинга как средства формирования психологической устойчивости по профилактике экстремизма среди обучающихся в МГТУ им. Н. Э. Баумана. Монография «Современные технологии противодействия наркомании и проникновению идеологии экстремизма и терроризма в образовательную среду», Москва, 2019.
3. Пятибратова И. В. «Использование социально-психологического тренинга при решении проблемы адаптации обучающихся в МГТУ им. Н. Э. Баумана». Журнал «Живая психология» 2016. Т. 3. № 2. С. 141-144.
4. Семикин Г.И., Мысина Г. А., Миронов А.С., Лазарев С. В., Пятибратова И. В., Худышева М. К., Пиканина Ю.М. «Здоровьесберегающие технологии в образовательной среде технического ВУЗа (опыт МГТУ им. Н. Э. Баумана)». Монография Тула, ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2020.
5. Худышева М. К., Горькая Ж .В. «Открытое будущее как результат применения инновационных технологий в образовании». Журнал «Живая психология»– 2016, Т. 3, № 4. С.273-278.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Пятибратова Инна Викторовна

кандидат псих. наук, доцент МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Худышева Мадина Крухмановна

кандидат псих. наук, доцент МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Information about authors:

Pyatibratova Inna Viktorovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Moscow State Technical University. N.E. Bauman.

Khudysheva Madina Krukhnmanovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Moscow State Technical University. N.E. Bauman.

УДК 159.922

ББК 88.5+Ч481.35+Ч481



Психологические особенности созависимой личности во временной перспективе

Данилова Маргарита Александровна, Гомба Наталья Славомилловна

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова»

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Получено: 2021
Опубликовано: 2021

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

система «зависимый-созависимый», созависимость, созависимые семьи.

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматривается психологическая проблема созависимости. Созависимость определяется как система индивидуальных особенностей личности, обуславливающая специфику взаимодействия созависимой личности с окружающим миром. С помощью методики Ф. Зимбардо исследуются особенности временной перспективы созависимой личности.

Полученные результаты, свидетельствуют о том, что для созависимых мужчин и женщин характерны темпоральные приоритеты, которые направлены в первую очередь на настоящее. Психологические особенности созависимых в системе «зависимый-созависимый» определяются как наличием общих черт и взаимосвязей в поведении и направленности личности, так и определенными различиями. Отмечены перспективы для разработки психотерапевтических реабилитационных и профилактических программ для зависимых и созависимых.

Psychological features of the codependent personality in the time perspective

Danilova Margarita Alexandrovna, Gomba Natalia Slavomilovna

State Educational Institution of the Republic of Crimea " Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubova»

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Received: 2021
Accepted: 2021

KEYWORDS:

the system "dependent-codependent", codependency, codependent families.

ANNOTATION:

The article deals with the psychological problem of codependency. Codependency defined as a system of individual personality traits that determine the specifics of the interaction of a person`s codependency with the outside world. Using the F Zimbardo methodology, the features of the time perspective of a person`s codependency are investigated.

The results obtained indicate that codependent men and women are characterized by temporal priorities, which are primarily aimed at the present. The psychological characteristics of codependents in the «dependent codependent» system is determined both by the presence of common features and interrelationships in the behavior and orientation of the individual, as well as by certain differences. The prospects for the development of psychotherapeutic and rehabilitation and preventive programs for addicts and codependents are noted.

CITATION

Данилова Маргарита Александровна, Гомба Наталья Славомилловна (2021), Психологические особенности созависимой личности во временной перспективе. LP (8-1) 5, 49-55 DOI 10.51233/2413-6522-2021-49-55.

<https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>

Danilova Margarita Aleksandrovna, Gomba Natalia Slavomilovna (2021), Psychological characteristics of a codependent personality in the time perspective. LP (8-1) 5, 49-55 DOI 10.51233 / 2413-6522-2021-49-55.

<https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>



Постановка проблемы

Созависимость – состояние, возникающее у членов семьи больного алкоголизмом или другими формами зависимости. Данное состояние не менее тяжелое, чем само заболевание. Созависимость можно сравнить с симбиозом алкоголика с членами семьи, но такой симбиоз имеет разрушительную тенденцию не только для «донора», а для всех его участников. Созависимость является длительным хроническим состоянием, приводящим к страданию и деформации духовной сферы. Созависимые безответственны к своему состоянию, к своим потребностям и своему здоровью.

Анализ литературы

Психологическая проблема созависимости изучает индивидуальные особенности человека. Данное исследование сложное и активно изучается отечественными учеными, такими как: Г.А. Ананьева [1], Дж.Дж. Войтиц [2], Е.В. Емельянова [3], В.Д. Москаленко [4], И.А.Кибальченко [5] и др. Созависимость – это нарушение личности, основанное на: необходимости контроля ситуации во избежание неблагоприятных последствий. Является патологическим состоянием, характеризующимся глубокой поглощенностью и сильной эмоциональной, социальной или физической зависимостью от другого человека, которое проявляется в болезненном желании управлять поведением, учить, наставлять, воспитывать, в целом стать незаменимым для него. Также выражается в полном невнимании к своим собственным нуждам. В созависимых отношениях происходит постоянное нарушение границ в интимной и духовной сферах, слияние интересов с дисфункциональным лицом.

Цель статьи

Изучение психологических особенностей созависимых

Изложение основного материала

Семья – важнейшая социальная группа, которая при правильном функционировании удовлетворяет потребности всех своих членов, от детей до бабушек и дедушек, и оказывает поддержку в различных жизненных ситуациях, в том числе в сложных. Любое нарушение в семье как системе может привести к тому, что работа системы станет некорректной. Иногда семья сама может справиться с трудностями, но часто для этого требуется поддержка других людей. Статья посвящена психологическим проблемам созависимости, которые могут возникнуть в любой семье независимо от социального статуса, и могут представлять для нее серьезную угрозу.

Семья – это среда, имеющая фундаментальное значение для качества психологического функционирования людей и их личностного развития. Разрушительные явления в этой среде, с которыми члены семьи не могут справиться, наносят серьезный вред всей их жизни [3].

Жизнь семьи, в которой кто-то пристрастился к алкоголю или наркотикам, связана с состоянием хронического напряжения и эмоциональной перегрузки. Доминирующие эмоциональные состояния среди членов семьи включают страх, тревогу, гнев, печаль, напряжение, стыд и унижение. Переживание страха и беспокойства касается не только конкретных и повторяющихся угроз, но также связано с разрушением системы связей и поддержки, которые должны существовать в семейном доме и давать членам семьи чувство



безопасности. Тревожное отношение и общий кризис доверия связаны с функционированием членов семьи не только в сфере семейной жизни, но и переносятся на контакты с внешним миром.

У взрослых членов таких семей часто развивается специфическое функциональное расстройство, называемое совместной зависимостью. Оно сопровождается саморазрушительным отношением к себе, чувством потребности в контроле и ответственности, отрицанием собственных потребностей, страхом перемен и одиночества. Суть этой патологической модели адаптации состоит в том, что она поддерживает дисфункциональную систему семейной жизни. В.Д. Москаленко [4], Е. В. Емельянова [3].

Функционирование человека с совместной зависимостью характеризуется:

1. Устойчивой концентрацией мыслей, чувств и поведения жены вокруг алкогольного поведения мужа.
2. Ощущение необходимости контролировать употребление алкоголя мужем и постоянная надежда удержать мужа от употребления алкоголя в безопасных пределах.
3. Установление жесткого контакта с мужем, включая периоды пьянства и временного воздержания.
4. Концентрация эмоциональной жизни вокруг ожидания момента снятия болезненных переживаний и автоматического подавления приятных состояний, возникающих при благоприятных обстоятельствах.
5. Ощущение неспособности расстаться с партнером навсегда и парадоксальное усиление связи после дальнейших инцидентов с алкоголем или попыток расстаться.

Типичное внутреннее состояние созависимого человека включает эмоциональный хаос и растерянность, резкие смены эмоций, неуверенность и беспомощность, а также

отрицание очевидных фактов алкогольной проблемы. Это сопровождается смягчением последствий употребления алкоголя, сокрытием инцидентов, связанных с употреблением алкоголя, от окружающей среды и способности защитить свои права и интересы детей. Созависимые часто ищут «объективные» причины, чтобы выпить, извиниться за алкоголика и избегать конфликтных ситуаций. У них также есть проблемы с чувством ответственности – для них характерно либо брать на себя ответственность, либо полностью ее избегать [1].

Функционирование созависимых указывает на более глубокие психологические проблемы, которые часто возникают у них. К ним, в первую очередь, относится постоянное запутывание чувства собственного достоинства в амбициозных попытках повлиять на чувства и поведение мужа, несмотря на неоднократные неудачи.

Примерами этого могут быть: бредовая вера в то, что вы можете формировать ход своей собственной жизни и жизни других людей своей собственной волей, размытые границы вашей собственной идентичности и склонность к чрезмерной ответственности за состояния и реакции других людей. Существует также стойкое отрицание неудобных фактов и содержание ложного чувства контроля и влияния на пьянства мужа.

Созависимые часто проявляют чрезмерную концентрацию на удовлетворении потребностей других людей в сочетании с пренебрежением собственными потребностями и склонностью вступать в близкие отношения с людьми с расстройствами личности, зависимыми от химических веществ [2].

Одними из малоизученных психологических характеристик здоровой и больной личности являются особенности ее темпоральной (временной) перспективы, которая характеризуется влиянием имеющегося у личности опыта и формируемых планов на будущее, связью с процессами



принятия решений и регулированием поведения в актуальном настоящем. Именно поэтому в нашем исследовании предпринята попытка изучения темпоральной перспективы в системе «зависимый-созависимый», определяемой наличием определенных взаимоотношений и взаимосвязей между больным алкогольной зависимостью и его близкими [5].

Таким образом, феномен созависимости требует дальнейшего анализа и систематизацию подходов к изучению созависимого состояния личности.

Исследование проводилось в г.Симферополь (Республика Крым) на базе клиники «Наркологическая помощь №1» (Симферополь, ул. 51-й Армии, 10).

Общая репрезентативная выборка составила:

- 34 созависимых лиц (9 мужчин и 25 женщин) в возрасте от 19 до 67 лет, имеющих члена семьи, страдающего алкогольной зависимостью. Из них 23 человек с сильной степенью созависимости и 11 человек со средней степенью созависимости.
- 23 лиц страдающих алкогольной зависимостью (15 мужчин и 8 женщин) в возрасте от 25 до 61 года.

С помощью методики Ф. Зимбардо [5] по временной перспективе исследованы 34 созависимых лиц и 23 лиц страдающих алкогольной зависимостью (рисунки 1-3).

*Рис.1
Показатели методики Ф. Зимбардо по временной перспективе в группе больных алкоголизмом и их родственников. Белым цветом выделенна группа зависимых, серым цветом группа созависимых [Составлено автором].*

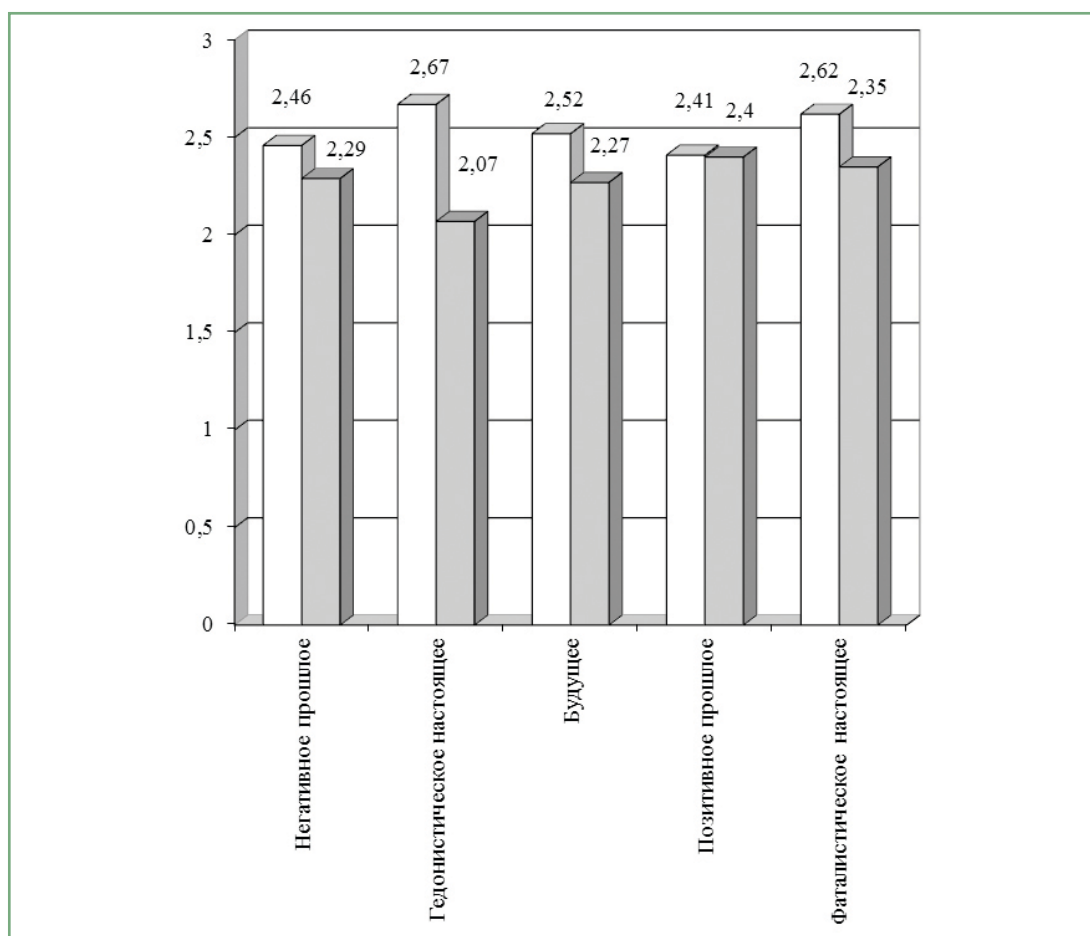




Рис.2
Показатели методики Ф. Зимбардо по временной перспективе у лиц с алкогольной зависимостью с учетом пола [Составлено автором].

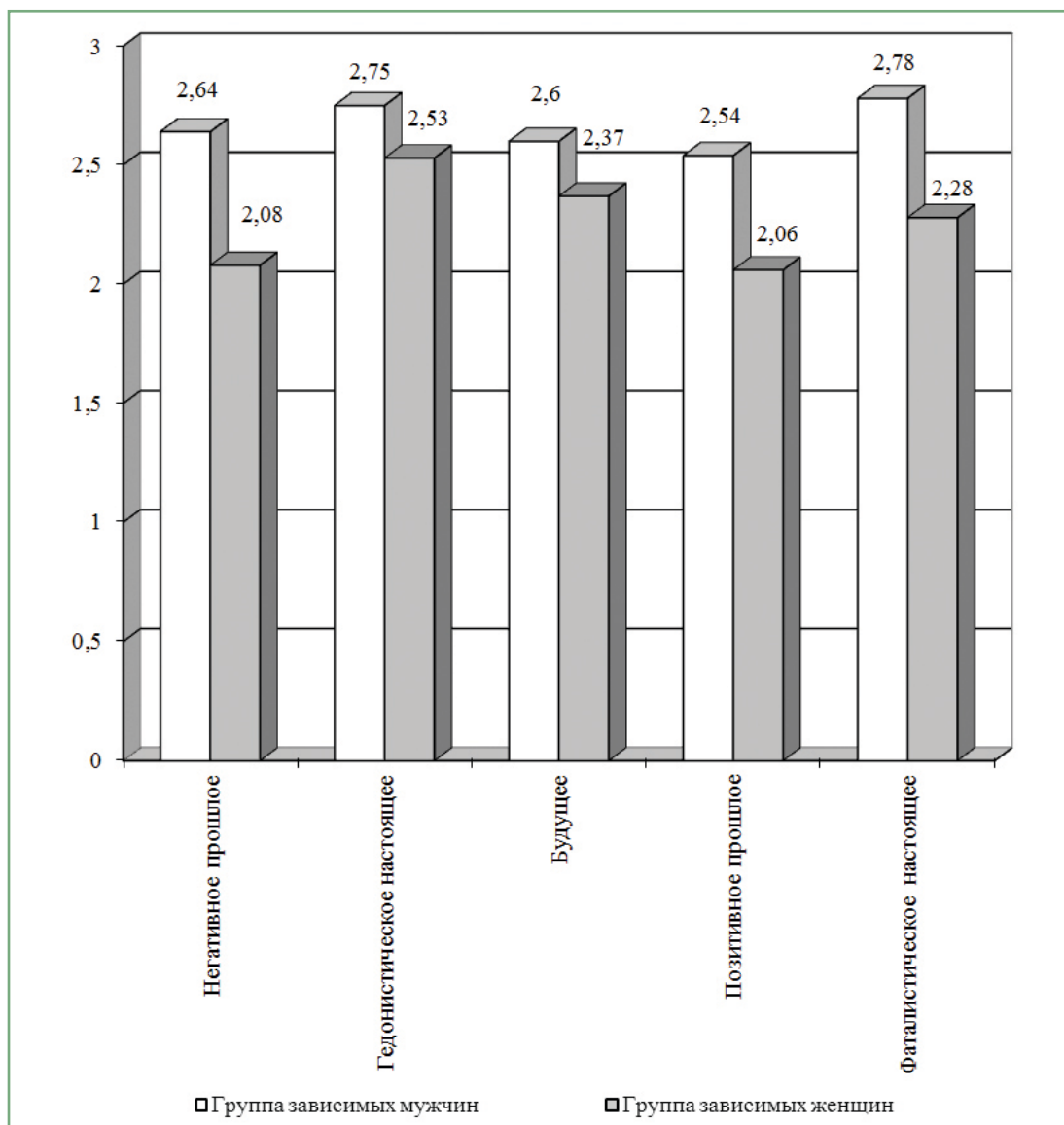
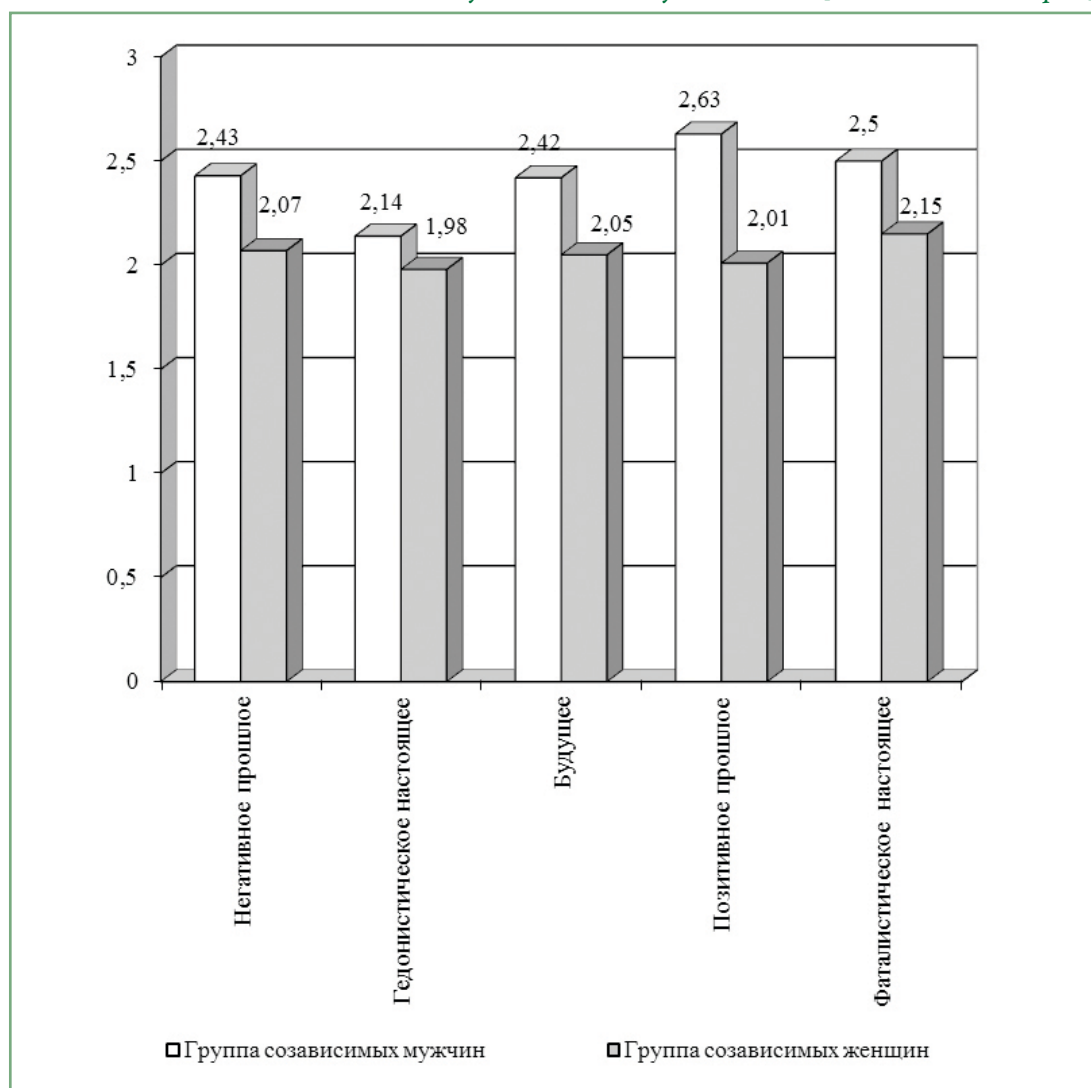




Рис.3
Показатели методики Ф. Зимбардо по временной перспективе
у созависимых с учетом пола [Составлено автором].



Данная методика Ф. Зимбардо показала, что и для мужчин, и для женщин с синдромом алкогольной зависимости темпоральные приоритеты направлены в первую очередь на настоящее. В то же время, если для больных женщин это настоящее связано с чередой различной окрашенности ощущений, в большей степени направленных на получение бездумных приятных ощущений, то у мужчин преобладают

переживания бессмысленности и бесперспективности существования, неспособности изменить что-либо.

Созависимых мужчин объединяют с созависимыми женщинами полная погруженность в проблемы и неспособность хоть в малейшей степени находить в череде событий сегодняшнего дня позитивные моменты, позволяющие получить даже небольшую радость и удовлетворение.



Вывод

Психологические особенности созависимых в системе «зависимый-созависимый» определяются как наличием общих черт и взаимосвязей в поведении и направленности личности, так и определенными различиями. Адаптивность темпоральных ресурсов в большей мере снижена у зависимых, что вполне закономерно. В личностной структуре зависимых и созависимых присутствуют темпоральные характеристики, взаимосвязанные с половыми различиями. Полученные результаты могут стать основой для разработки психотерапевтических реабилитационных и профилактических программ для зависимых и созависимых.

Список литературы:

6. Ананьева, Г. А. Семья: химическая зависимость и созависимость. Работа с созависимостью / Г. А. Ананьева. - М.: Независимая фирма «Класс», 2003. - 187 с.
7. Артемцева Н. Г. Феномен созависимости: психологический аспект // Монография МГУД - 2012 - 222 с.
8. Войтиц Дж. Дж. Взрослые дети алкоголиков: семья, работа, отношения / Пер. с англ. А. Лучиной. - М.: Независимая фирма «Класс», 2015 - 368.
9. Данилова Т. Н. Психологический портрет личности женщины, страдающей любовной привязанностью // журнал Национальное здоровье - 2017.
10. Емельянова, Е. В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования / Е. В. Емельянова. - СПб.: Речь, 2004.
11. Москаленко, В. Д. Жены больных алкоголизмом / В. Д. Москаленко // Вопросы психологии. - 1991. - N 5. - с. 91-97.
12. Проблемы семьи, отягощенной алкогольной зависимостью: актуальность, диагностика, коррекция/ И. А. Кибальченко [и др.]; под ред. И. А. Кибальченко. - Ростов н/Д: Феникс, 2007. - 478 с.
13. Решетников М. М. Психодиагностика и психотерапия депрессии // СПб.: Восточно - Европейский Институт Психоанализа, - 2003. - 328 с.
14. Савина Е. А. Возвращение Кая // М.: Изд - во Адрус, - 2006. - 208 с.
15. Уайнхолд Б. Освобождение от созависимости // Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Перевод с английского А.Г. Чеславской — М.: Независимая фирма «Класс», 2002. — 224 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Данилова Маргарита Александровна
кандидат психологических наук, доцент
кафедры психологии ГБОУВО РК
«Крымский инженерно-педагогический
университет им. Февзи Якубова»
E-mail: danilovamargarita.crimea@mail.ru

Гомба Наталья Славомировна
студентка 4 курса. Факультет психологии,
ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический
университет им. Февзи Якубова»
E-mail: nataly5gomba18@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9026-0954

УДК 159.9



Психологическое сопровождение лиц, страдающих расстройствами личности на базе психоневрологических клиник

Хачатрян Ани Армени

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Получено: 2021
Опубликовано: 2021

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

психологическое сопровождение, психоневрологические клиники, расстройства личности, депо-терапия, аддикции.

АННОТАЦИЯ:

В данной научной статье представлены и описаны некоторые формы и виды работы по психологическому сопровождению лиц страдающих расстройствами личности, используемые в психоневрологических клиниках. Дана характеристика медикаментозным и немедикаментозным способам лечения, с указанием современных техник и методов. Произведен анализ различных методик работы, целью которых является успешная адаптация лиц, с личностными расстройствами в социум.

Psychological support of persons with personal disorders on the basis of psychoneurological clinics

Khachatryan A. A.

Russian State Social University, Moscow, Russia

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Received: 2021
Accepted: 2021

KEYWORDS:

psychological support, neuropsychiatric clinics, personality disorders, depot therapy, addictions.

ANNOTATION:

This article presents some forms and types of work in a psychological clinic, people suffering from disorders used in neuropsychiatric clinics. The characteristics of the drug and non-drug methods of treatment are given, indicating modern techniques and methods. The analysis of various methods of work, which is the successful adaptation of persons with personality disorders to society.

CITATION

Хачатрян Ани Армени (2021), Психологическое сопровождение лиц, страдающих расстройствами личности на базе психоневрологических клиник. LP (8-1) 6, 10.51233/2413-6522-2021-56-60 DOI 10.51233/2413-6522-2021-56-60. <https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>

Khachatryan Ani Armeni (2021), Psychological support of persons suffering from personality disorders on the basis of neuropsychiatric clinics. LP (8-1) 6, 10.51233 / 2413-6522-2021-56-60 DOI 10.51233 / 2413-6522-2021-56-60. <https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>



Система психологического сопровождения больных с личностными расстройствами строится на положении, прямой зависимости личностных расстройств индивида и органических поражений либо изменений центральной нервной системы. В связи с этим комплексный осмотр лиц с расстройствами личности и регулярное наблюдение врачей считается необходимым. Людям, страдающим расстройством личности нужно сопровождение таких специалистов как врач-невролог, психиатр, клинический консультант либо психолог. Сопровождение ряда специалистов открывает перед человеком с личностным расстройством больше возможностей для успешной адаптации в социуме.

Зачастую, работа с лицами, страдающими расстройствами личности строится на индивидуальном подборе комплекса психотерапевтических методов. По большей части в основу таких методов входит типология заболевания, расстройства, его периодическая диагностика, особенности самоанализа пациента, повседневные привычки и некоторые аспекты его поведения, способы реагирования на определенные жизненные ситуации и препятствия. Ко всему указанному, в некоторых случаях, имеет весомое значение дополнительная клиническая картина, желание больного контактировать с лечащим врачом и клиническим психологом-консультантом. [6]

Методики лечения в психоневрологических клиниках можно разделить на две группы: медикаментозные и немедикаментозные. При медикаментозном лечении применяют различные препараты, такие как: нейролептики, нормотимики, антидепрессанты, блокаторы опиатных рецепторов и пр. Данные группы препаратов, нацелено оказывают влияние на выявленные

нарушения в работе определенной системы организма. Применяются так же общеукрепляющие средства: витамины, нейрометаболическая терапия, результатом которой является улучшение питания нейронов. Одним из современных методов «доставки» медикамента в организм пациента является депо-терапия, при которой препарат вводится один раз в месяц, действует на протяжении этого периода. В России такой метод используется преимущественно частными психоневрологическими клиниками. К лекарственной терапии существуют противопоказания. [4]

К немедикаментозному лечению относят психотерапию, физиотерапию, БОС терапию, диетотерапию, трудотерапия, свето и цветотерапии, музыкотерапия, терапия депривацией сна и пр.

Для лиц, страдающих расстройством личности комплексная психотерапия значительно эффективнее. Помимо медикаментозного лечения и коррекции фармакологическими препаратами, важно проконсультироваться с клиническим психологом и оказать ему коррекционную помощь и поддержку так называемым социально-средовым методом.

Опыт показывает, что благодаря таким комплексным воздействиям на личность больного можно достичь определенной гармонии в поведении пациента, а также стабилизировать его основные компоненты социальной адаптации и жизнедеятельности в дальнейшем.

На территории Российской Федерации в психоневрологических клиниках получила распространение технология корректирующего комплексного лечения личностных расстройств с помощью комплекса психофармакологических препаратов. Но такие методы не решают проблему больных с расстройством личности



колоссально, а лишь являются определенным коррекционным воздействием на особенности протекания личностного расстройства. Стоит отметить, что периодическое лечение в стационаре психоневрологической клиники носит только так называемый стартовый либо периодически поддерживающий характер. [8]

Рассмотрим фармакологические способы лечения расстройств личности, которые применяются в психоневрологических клиниках для коррекции больных с личностными расстройствами. С целью определенного притупления чувства тревоги, а также различных депрессивных состояний и остального множества прочих симптомов часто пользуются индивидуально назначаемой медикаментозной терапией. Так, например, такие средства как SSRI больные с личностными расстройствами принимают комплексно и под наблюдением лечащих врачей при депрессивных и возбужденных состояниях. Противосудорожные медикаменты значительно снижают повышенную возбудимость и эмоционально-лабильное состояние в ситуациях гнева лиц, с личностными расстройствами. Определенные лекарственные препараты, такие как атипичные антипсихотические средства прописывают больным, которые устойчиво страдают депрессией на начальной стадии личностного расстройства. [3]

Как показывает опыт такого лечения, значительный эффект – причем долгосрочный и комплексный, при лечении личностных расстройств, дает индивидуально-личностная или групповая психотерапия.

Индивиды, которые проходят лечение и коррекцию своего личностного расстройства, зачастую совсем не понимают того факта, что у них есть определенные проблемы и затруднения в окружающей жизни. Как показывает практика, только примерно четверть таких пациентов имеют стойкое намерение систематически лечиться и определенным образом рабо-

тать над собой и со своей проблемой.

Психологическое сопровождение таких больных включает в свою программу комплексную психотерапию различных форм. Групповая психотерапия предполагает формирование групп пациентов со схожими или одинаковыми личностными расстройствами. Кроме этого, предполагается, что при необходимости подобная форма такого лечения может проводиться в парах либо семейных вариантах, что опять-таки на практике показывает свою максимальную эффективность и положительную результативность. [7]

Наиболее сложным, но в большей степени значительным, в коррекции и психологическом сопровождении лиц, страдающих расстройством личности, является установление доверительного контакта между больным и специалистом. Это считается важным для анализа глубинных проблем человека с личностным расстройством, а так же их внутренние детерминанты и источники.

Кроме этого, психиатры и психотерапевты психоневрологических клиник отмечают, что в первую очередь еще следует определить внутренние эмоционально-логические переживания человека, которые его постоянно мучают. И именно их следует устранять, однако для начала определить веские причины, чем они обусловлены.

Специалисты психоневрологических клиник, специализирующиеся в познавательно-поведенческой сфере, зачастую обращают внимание больных с личностными расстройствами на их ошибки в социально-личностных и индивидуальных аспектах. Они систематически учат определять перспективы собственного будущего, особое внимание, уделяя тому, что непосредственно имеет отношение к неадекватному поведению больного, указывают пациентам на объективное наличие различных жизненных реалий



и проблем и разрабатывают совместно с ними более адекватные поведенческие паттерны реагирования. [5]

Больные с личностными расстройствами и с поведением, которое имеет склонность к выраженному драматизму, к которому относится пограничное или асоциальное, нуждаются в активном выражено-суровом и запрещающем поведении врача-психотерапевта. Часто индивиды с асоциальным расстройством личности не имеют возможности по социальным и медицинско-психиатрическим показаниям находиться на амбулаторном лечении, их следует помещать в стационар и проводить серьезное комплексное лечение.

В практике психоневрологических клиник стало фиксироваться возросшее количество ситуаций лечения больных с личностными расстройствами в русле психофармакологического вмешательства. Так, пациенты клиники, которые имеют пограничные личностные расстройства, испытывают значительные положительные сдвиги на фоне трициклических антидепрессантов и ингибиторов МАО.

Пациенты клиник, которые относятся к другой группе личностных расстройств, способные владеть собственным поведением и контролировать свои эмоции, получают такой препарат как Литий; пациентам с нападающим и явно взрывным поведением прописывают Карбамазепин.

Также пограничные и шизотипичные пациенты получают медикаментозное лечение с помощью незначительных доз линейки из нейролептических препаратов.

Индивиды, наблюдающиеся в клинике с диагностированным обсессивно-компульсивным личностным расстройством, которые имеют различные назойливые идеи, принимают регулярно трициклическое лекарство, помимо антидепрессивного фона, такие препараты действуют антиобсессивно.

Проблема личностных расстройств пациентов обладает тесной связью с так называемым двойным диагнозом, что детерминировано, по сути, фактом развития на базе расстройств личности, в частности, не длительных, относительно обратимых нарушений психики. К подобным нарушениям психики можно отнести различного рода фобии, генерализованное тревожное расстройство, депрессии, различные аддикции в химических и нехимических формах и т.д. [2]

По словам многих практикующих специалистов, в течение довольно долгого времени могут распознаваться исключительно поверхностные нарушения психики, а само личностное расстройство может и не обнаруживаться. Этот момент приводит закономерно к неполной терапии, соответственно эффект которой получается недостаточным и довольно кратковременным. И иногда такие ситуации, к сожалению, бывают, типичны. [1]

Практическая работа психоневрологической клиники показывает, что на базе личностных расстройств пациентов очень часто встречаются различные аддикции, и в таких случаях, если лечение заключается только фиксацией на аддиктивной проблематике, а факт личностного расстройства как бы игнорируется, результат анти-аддиктивной терапии представляется также кратковременным.

Анализ некоторых аспектов работы психоневрологических клиник по сопровождению лиц, страдающих личностным расстройством в России показал, что существуют различные виды работы с такими больными. В случае если лечение больного с личностным расстройством начать вовремя, грамотно, комплексно, а также в дальнейшем оказывать психологическое сопровождение его, то такого человека с большой долей вероятности, можно вывести на абсолютно нормальный показатель социальной жизни.



Список литературы:

1. Арапиев Ю.У., Психосоциальная реабилитация в психоневрологическом диспансере // Медицинская сестра. 2018. №1.
2. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология. - М.: Антей, 2014.
3. Краснов В.Н. Диагноз и классификация психических расстройств в русскоязычной психиатрии: раздел расстройств аффективного спектра// Социальная и клиническая психиатрия, 2013. -N 4.
4. Комер Р. Основы патопсихологии. 3-е изд. - М: Мир, 2014.
5. Консторум С. И. Опыт практической психотерапии. М., 2014.
6. Мухина В., Психологическое сопровождение личности // Развитие личности. 2011. №3.
7. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология. - М.: Медпресс, 2014.
8. Сидоров П.И., Парняков А.В. Введение в клиническую психологию: Учебник для студентов медицинских вузов. Екатеринбург: Деловая книга, 2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Хачатрян Ани Армени
магистрант, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
E-mail: ani9500@mail.ru

Information about authors:

Khachatryan A. A.
master student, Russian State Social University, Moscow, Russia
E-mail: ani9500@mail.ru

УДК 159.972



Особенности когнитивной оценки эмоционального реагирования у детей с ЗПР

Ушакова Владислава Романовна

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Получено: 2021

Опубликовано: 2021

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

эмоциональное реагирование, дети с ЗПР, когнитивная оценка, эмоциональная память, идентифицировать.

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена проблеме когнитивной оценки эмоционального реагирования у детей с задержкой психического развития. В исследовании приняли участие 80 школьников 3-4 классов, из них матерей 40 детей с задержкой психического развития и 40 детей с нормальным протеканием психического развития, средний возраст детей 9,1 год. Разработаны и внедрены методики, направленные на выявления характерных особенностей когнитивной оценки эмоционального реагирования в младшем школьном возрасте. Выявлены и проанализированы отличительные особенности способности младших школьников идентифицировать, дифференцировать, осознавать и вербализировать эмоциональные реакции в различных ситуациях. Определено отличие в понимании, осознании и способности детей соотносить эмоциональные реакции с прошлыми ситуациями из жизни (эмоциональная память).

Peculiarities of cognitive evaluation of emotional response in children with disd

Ushakova Vladislava Romanovna

Department of Psychology Crimean Engineering and Pedagogical University by Fevzi Yakubova, Russia

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Received: 2021

Accepted: 2021

KEYWORDS:

emotional response, children with mental retardation, cognitive assessment, emotional memory, identify.

ANNOTATION:

The article is devoted to the problem of cognitive assessment of emotional response in children with mental retardation. The study involved 80 schoolchildren in grades 3-4, including mothers of 40 children with mental retardation and 40 children with normal mental development, the average age of children is 9.1 years. Methods have been developed and implemented, aimed at identifying the characteristic features of the cognitive assessment of emotional response in primary school age. Identified and analyzed the distinctive features of the ability of primary schoolchildren to identify, differentiate, be aware and verbalize emotional reactions in various situations. The difference in understanding, awareness and ability of children to correlate emotional reactions with past situations in life was determined (emotional memory).

CITATION

Ушакова Владислава Романовна (2021), Особенности когнитивной оценки эмоционального реагирования у детей с ЗПР. LP (8-1) 7, 61-72 DOI 10.51233/2413-6522-2021-61-72. <https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>

Ushakova Vladislava Romanovna (2021), Features of the cognitive assessment of emotional response in children with IAD. LP (8-1) 7, 61-72 DOI 10.51233 / 2413-6522-2021-61-72. <https://radomir.editorum.ru/ru/nauka/issue/2641/view>



Введение

Формирование и развитие эмоциональной сферы многогранный, многоуровневый и сложный процесс. Способность идентифицировать, дифференцировать, воспринимать, осознавать и вербализировать эмоции и эмоциональные реакции, выстраивать причинно-следственные связи между ситуацией и эмоциями и наоборот детерминировано социокультурными условиями, микросоциальной средой, особенно степенью созревания субъекта, уровнем интеллектуальных способностей, объемом имеющихся знаний и представлений, полученных в различных ситуациях.

Согласно исследованиям С. А. Дмитриевой, Н. Ю. Верхотуровой и Е. П. Ильина, эмоциональное реагирование личности на ситуацию является сложным и многоуровневым процессом, где задействована не только эмоциональная сфера личности, но и когнитивная оценка ситуации. Под эмоциональным реагированием понимается эмоциональная реакция (отклик, ответ) личности на раздражители внешнего и внутреннего мира под воздействием когнитивной обработки [7; 11].

Р. Лазарус и С. Фолкман в своей концепции совладающего поведения считают, что когнитивная оценка ситуации является познавательным компонентом эмоциональной реакции, которая способствует переработки информации. Авторы выделяют первичную и вторичную когнитивную оценку. Суть первичной когнитивной оценки состоит в том, что это подсознательная оценочная реакция на возникающую ситуацию, которая позволяет оценить пользу/вред ситуации на жизнедеятельность. В связи с этим последующая эмоциональная реакция

содержит положительные или отрицательные эмоциональные проявления [14]. К. Изард отмечает, что полюс эмоциональных проявлений, в свою очередь, зависит от оказываемого влияния раздражителей на личность [8]. Суть вторичной когнитивной оценки заключается в том, что в сознании личности происходит выбор наиболее приемлемых и доступных для нее способов разрешения возникшей ситуации, что зависит от возраста, имеющегося опыта, защитных механизмов психики и уровня интеллекта личности [14].

С.Л. Рубинштейн выделил три уровня эмоционального реагирования. Функцией первого уровня органической аффективно-эмоциональной чувствительности является физическое ощущение удовольствия/неудовольствия при удовлетворении потребностей. Проявление этой органической чувствительности может парциально локализоваться в различных частях тела посредством ощущений или в качестве выраженной эмоциональной окраски. Второй уровень более высший и сфокусирован на предметных чувствах. Личность понимает причину эмоциональных переживаний и может дифференцировать эмоциональные реакции в зависимости от предмета - интеллектуальные, моральные и эстетические. Эмоциональные реакции личности в отношении одного и того же предмета могут быть биполярными. Третий уровень связан с мировоззрением личности и характеризуется общезначимыми чувствами, которые схожи с отвлеченным мышлением - чувство юмора, сарказм, ирония, чувство прекрасного и т.д. [11].

А. В. Булгаков, рассматривая эмоциональные проявления в структуре межгрупповой адаптации, отмечал, что изучение



эмоциональной сферы личности должно происходить через призму ценностно-смысловых и структурно-функциональных аспектов [3].

Б. А. Вяткин и Л. Я. Дорфманан, опираясь на концепцию интегральной индивидуальности В. С. Мерлина, и, будучи его учениками, отмечают, что характер, степень и полюс эмоциональных проявлений связаны с мотивационной сферой личности, а именно с мотивами [5]. А. Н. Леонтьев отмечает, что появления новых интересов, мотивов и потребностей влечет за собой изменение в эмоциональной сфере личности. В свою очередь, социальные мотивы обуславливают развитие социальных эмоциональных проявлений и морально-нравственных чувств. Период развития социальных эмоций приход на старший дошкольный возраст 5-6 лет. Как раз в этом возрасте структура мотивов ребенка имеет более выраженные компоненты [13].

Важно отметить, что у младших школьников происходит трансформация, обогащение и расширение эмоционального репертуара на фоне увеличения количества и многообразия эмоциогенных объектов и ситуаций в школьной среде. У детей в этом возрастном периоде развивается саморегуляция и волевой контроль, что способствует научению контролировать и управлять своими эмоциональными реакциями в различных ситуациях. В связи с этим возникает разрыв между экспрессивными проявлениями и переживаемыми эмоциями внутри личности. Данный факт усложняет дифференциацию и осознание своих эмоциональных реакций на ту или иную ситуацию, а также способствует вытеснению эмоциональных проявлений [6; 12; 17].

Согласно исследованиям Е. А. Мордвиновой, Г. А. Зобниной., Blankson N., Weaver J. и др. младшие школьники успешней и легче дифференцируют и осознают эмоциональные реакции, которые

возникают в уже знакомых жизненных ситуациях, но у них возникает затруднение в вербализации свои эмоциональных проявлений и выстраивании причинно-следственных связей между ситуацией и эмоциональным реагированием. Наиболее эмоционально насыщенными ситуациями для детей младшего дошкольного возраста являются успехи и оценка учебной деятельности как со стороны учителя, так и со стороны класса [15; 16].

Согласно исследованиям Halle T., Darling-Churchill K., Stülb K., Messerli-Bürgy N., Kakebeeke T., в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте дети в процессе распознавания и понимания эмоциональных реакций других людей опираются на мимическую выразительность лица. Наиболее успешно дети дифференцируют и осознают базовые эмоции – страх, гнев и радость [17; 18].

По мнению Т. П. Артемьевой, Н. Л. Белопольской, Н. Ю. Верхотуровой, у детей с задержкой психического развития неорганического генеза отклонения в развитие затрагивают именно эмоционально-волевую сферу. В последствии это приводит к интеллектуальной недостаточности и нарушению критичности мышления [1; 2; 4].

В своих исследованиях мы опирались на модель эмоционального развития Е. И. Изотовой согласно которой, эмоциональное развитие включает в себя три взаимообуславливающих компонента – аффективный, когнитивный и реактивный (поведенческий). Более подробно остановимся на когнитивном компоненте. Когнитивный компонент базируется на перцептивных и интеллектуальных возможностях личности и характеризуется способностями идентифицировать, дифференцировать и вербализировать как эмоциональные реакции, так и ситуацию в целом; способностями оценивать и понимать эмоциональное значение ситуации,



определять ценностную составляющую ситуации и предугадать возможные эмоциональные последствия. Когнитивный компонент включает и эмоциональную память, которая базируется на понимании и представлении личности об эмоциях и способности личности опираться на имеющийся эмоциональный опыт [9].

Цель

Выявить особенности когнитивной оценки эмоционального реагирования детей с задержкой психического развития и детей с нормальным протеканием психического развития.

Гипотеза

Когнитивная оценка эмоциональных реакций у детей с задержкой психического развития отличается от детей с нормальным протеканием психического развития.

Методы и методики исследования

Данное эмпирическое исследование проводилось на территории Республики Крым, в городе Симферополе и в селе Вилино Бахчисарайского района, в 2020-2021 годах. Эксперимент проходил на базе МБОУ «Вилинская СОШ №2 с русским и крымскотатарскими языками обучения» Бахчисарайского района Республики Крым. А также в МБОУ «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа для детей с ограниченными возможностями здоровья «Надежда» муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым, МБОУ № 3, МБОУ «Вилинская СОШ №1», МБОУ «Железнодорожная средняя общеобразовательная школа» Бахчисарайского района.

В исследовании принимало участие 80 испытуемых. В группу 1 вошли 40 детей с задержкой психического развития, не органического генеза, согласно классификации В. В. Лебединскому, из которых 25 мальчиков и 15 девочек. Средний возраст, которых составил $9,2 \pm 0,6$ лет. Дети обучались в специализированной школе и в общеобразовательных школах на инклюзивном обучении. В группа 2 – 40 детей с нормальным протеканием психического развития, обучающиеся в среднеобразовательной школе, из которых 17 мальчиков и 23 девочки. Средний возраст детей – $9,1 \pm 0,5$ лет.

В соответствии с целью данного исследования и проверки выдвинутой гипотезы использовали следующие психологические методы и методики исследования. В связи с недостаточной разработанностью диагностического инструментария для выявления когнитивного компонента эмоционального реагирования у детей с задержкой психического развития были разработаны и внедрены авторские методики. Целью которых явилось выявить способность оценивать, понимать и осмысливать эмоциональные проявления у детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития и нормальным протеканием психического развития.

Методика № 1 «Эмоциональные проявления при значимых ситуациях» состоит из пяти ситуаций, которые связаны с личными мотивами и целями детей. Представленные в методике ситуации эмоционально окрашены, понятны и достаточно повседневны для младшего школьника. Суть методики состоит в том, что, детям зачитывались ситуации, а они должны были понять и дифференцировать свои эмоциональные реакции на эти ситуации, затем описать их. Так, например, на ситуацию 1 «Родители подарили желаемую игрушку на праздник» важна не только эмоциональные проявления ребенка, а когнитивная оценка (осознание своих



эмоций) и вербализация этих эмоциональных проявлений.

В методики №2 «Эмоциональная реакция на различные ситуации» представлены 6 эмоциональных реакций: радость, грусть, гнев, удивление, страх и отвращение. Методика направлена на соотнесение эмоциональных проявлений у детей с ситуациями, где переживались подобные эмоции. Критериями оценки было способность ребенка вспомнить ситуацию с названной эмоцией и рассказать ее (вербализировать). Важным показателем является правильно соотнести названную эмоцию с ситуацией, что демонстрирует умение ребенка дифференцировать эмоции и осознавать свою эмоциональную реакцию в различных ситуациях. Понимание, осознание и соотнесение эмоциональных реакций с прошедшими ситуациями в жизни детей представлены балах, максимальная оценка – 5 баллов по каждому критерию. Среднее значение по всем эмоциональным реакциям является показателем развития когнитивного компонента эмоционального реагирования.

В ходе прохождения методик с детьми проводилась беседа для разъяснения и уточнения полученной информации, сбора дополнительной информации необходимой для понимания сути проблематики.

Определение характерных различий в способности детей дифференцировать, идентифицировать и вербализировать эмоциональные реакции и ситуации из прошлого опыта использовали U-критерия Манна-Уитни. Математическая обработка данных выполнялось с помощью компьютерного пакета статистических программ Statistica версия 20.

Результаты исследования и их обсуждение

В таблице 1, представлены результаты экспериментального исследования дифференциации, осознания и вербализации эмоциональных реакций в различных ситуациях у детей с задержкой психического развития и детей с нормальным протеканием психического развития

Таблица 1

Эмоциональные реакции детей в значимых ситуациях

Ситуации	Истинная эмоция	Ответы испытуемых	
		Группа 1, n=40	Группа 2, n=40
Ситуация 1: «Родители подарили желаемую игрушку на праздник»	Радость	Мне нравится 70% Я рад(а) 22,5% Сказал(а) спасибо 7,5%	Я так счастлив(а) 90% Прыгал(а) до потолка 57,5% Обрадовался 72,5% Получил(а) что хотел 45% Могу похвастаться друзьям 22,5%
Ситуация 2: «Получил(а) плохую оценку»	Грусть	Расплакался 42,5% Расстроился 37,5% Мама поругает, страшно 32,5%	Расплакался 57,5% Расстроился 65% Стало грустно 42,5% Испугался маму и папу 62,5% Стыдно 17,5% Разозлился на учительницу 12,5%



<p>Ситуация 3: «Одноклассник порвал тетрадь/ одноклассник ударил»</p>	<p>Гнев</p>	<p>Расплакался, обидно мне 57,5% Расстроился 12,5% Разозлился 30%</p>	<p>Разозлился 90% Ударит в ответ 67,5% Испортит его тетрадь 70% Накричит на одноклассника 67,5% Обидно 12,5%</p>
<p>Ситуация 4: «Мама ругает за плохую оценку»</p>	<p>Страх</p>	<p>Страшно 67,5% Я плачу, когда мама кричит 50% Не с кем не разговариваю 25% Обидно 20%</p>	<p>Страшно 80% Заберет планшет/телефон 90% Накажет 67,5% Накричит 70% Поставит в угол/ударит 55% Расскажет папе 72,5% Я ее боюсь 50% Я злюсь, когда мама меня ругает 20%</p>
<p>Ситуация 5: «Дали не любимый продукт» (каша, суп, котлета и т.д.)</p>	<p>Отвращение</p>	<p>Это невкусно 70% Это не приятно 20% Я не люблю это 32,5% Отказ от еды 55%</p>	<p>Не вкусно 75% Не ем это 70% Обидно 60% Гнев 37,5% Встану из-за стола 50%</p>

Согласно данным, представленных в таблице 1, у детей с задержкой психического развития затруднена вербализация эмоциональных проявлений. По времени они дольше обдумывают (осмысливают) ситуацию и им требуется больше времени для вербализации собственных эмоциональных проявлений. Также эмоциональные реакции на ситуации более оскуднены, в отличие от детей с нормальным протеканием психического развития.

Так в ситуации с желанным подарком 70% детей с задержкой психического развития сообщили, что «нравится подарок», 22,5% детей, что рады подарку, 7,5% школьников поблагодарили за подарок родителей и улыбнулись. В отличие, дети с нормальным протеканием психического развития сообщили, что счастливы (90% детей) и рады, «прыгали до потолка» (57,5% детей), получили желаемое (45% детей) и похваляются друзьям (22,5% детей).

Получив плохую оценку, 42,5% детей с задержкой психического развития заплакали, 37,5% детей расстроились и 32,5% школьников испугались, что мама накажет за плохую оценку. Интересен тот факт, что лишь 12,5% детей сообщили, что папа накажет за плохую оценку, большинство детей боятся именно маму. Следовательно, у 55% детей данная ситуация вызывает грусть, а у 45% детей – страх. Отметим, что спектр эмоциональных проявлений и, следовательно, вербализации эмоциональных реакции на ситуации у детей с нормальным протеканием психического развития существенно шире. Так, 57,5% школьников заплакали и 45% детей расстроились, когда получили плохую оценку, 42,5% детей испытали грусть. Испугались реакции родителей на то, что учительница поставила плохую оценку, 62,5% школьников, 17,5% детей стало стыдно и 42,5%



школьников разозлились на учительницу. Таким образом, у 45% детей данная ситуация вызывает грусть, у 42,5% школьников – страх и у 12,5% детей – гнев.

В случае, если одноклассник порвал тетрадь или ударил, то 57,5% детей с задержкой психического развития почувствуют обиду и расплачутся, а также 12,5% детей расстроятся, лишь 30% школьников разозлятся на одноклассника. Дети не сообщили о конкретных действиях в случае нападения на них или нанесения вреда имуществу. В ходе беседы было выявлено, что большинство детей данной группы (60% детей), стараются меньше взаимодействовать с обидчиками, т.к. боятся конфликтов и ссор. В отличие 67,5% детей с нормальным протеканием психического развития на фоне гнева ударят обидчика в ответ и 70% школьников испортят тетрадь обидчика. Также 87,5% младших школьников сильно разозлятся на одноклассника, накричат на него (67,5% детей), т.е. заявят о себе и дадут отпор. Лишь 12,5% детей отметили, что обидятся, но защищать себя и конфликтовать не будут - «лучше отойти в сторону», «надо дружить».

В случае, когда мама ругает за плохую оценку, 67,5% младших школьников с задержкой психического развития испытывают страх в ответ на мамин крик и порицание. В ходе беседы, 50% детей отметили, что расстраиваются и плачут, когда мама кричит и ругает их и не только за оценку. После того, как мама ругает за плохую оценку 20% детей чувствуют обиду и 25% школьников не хотят не с кем разговаривать. В ходе беседы, 80% младших школьников с нормальным протеканием психического развития отметили чувствуют страх в ответ на мамыны порицания за оценку, потому что мама в качестве наказания может забрать планшет/ телефон, не отпустить гулять, не разрешить смотреть телевизор допоздна/ играть с друзьями, накричит и поставит в угол или даст подзатыльник. Также

72,5% детей отметили, что боятся, что мама расскажет строгому папе и тот их поругает. 20% школьников отметили, что испытывают злость за то, что мама ругает за плохую оценку. В ходе беседы младшие школьники отметили, что злятся у себя в комнате или в другом месте квартиры (дома), когда никого нет и никто не видит: пинают стул, подушку, кидают рюкзак и тетради/учебники.

Важно отметить, что в начале проведения беседы у детей уточнили их предпочтения в еде и те продукты питания, которые им не нравятся. Так в ситуации, когда младшим школьникам с задержкой психического развития дали еду, которая им не нравится/не любят ее, они мимически демонстрирует отвращение, не называя саму эмоцию. Дети испытывают затруднение в дифференциации и вербализации такой эмоции, как отвращение. В большей степени школьники говорят о том, что эта еда невкусная (70% детей), неприятная (20% детей), они это не любят (32,5% детей) и демонстрируют отказ от еды (55% детей).

В отличие дети с нормальным протеканием психического развития, отмечают, что у них возникает обида (60% детей) и гнев (37,5% детей), если им предоставят взрослые ту еду, которую они не любят. Большинство детей сообщили, что эта еда не вкусная (75% детей), они это не едят (70% детей), встают из-за стола и уходят (50% детей). Все ответы сопровождались мимической демонстрацией эмоции отвращения. Результаты экспериментального исследования дифференциации, идентификации и вербализации эмоции у детей совпадают с исследованиями Е.И. Изотовой. Автор отмечает, что дети с задержкой психического развития в младшем школьном возрасте лучше идентифицируют базовые эмоциональные проявления, в особенности отрицательные – грусть и страх. Вызывают затруднения дифференцирование и



распознавание производных эмоциональных проявлений – отвращение, безразличность и т.д. [10].

В таблице 2 представлены данные эмпирического исследования понимания,

осознания и соотнесения эмоциональных реакций с прошедшими ситуациями в жизни детей с задержкой психического развития и детей с нормальным протеканием психического развития.

Таблица 2
Эмоциональная реакция на различные ситуации

Эмоциональные реакции	Группа 1, n=40	Группа 2, n=40	U-критерий Манна-Уитни
Радость			
Соотнесение с ситуацией в прошлом	4,3	5	250
Вербализация	4,2	4,8	263
Грусть			
Соотнесение с ситуацией в прошлом	4,5	4,9	302
Вербализация	3,8	4,5	180
Гнев			
Соотнесение с ситуацией в прошлом	3,2	4,8	145**
Вербализация	3	4,8	140*
Удивление			
Соотнесение с ситуацией в прошлом	3,2	3,9	280
Вербализация	2,8	3,6	292
Страх			
Соотнесение с ситуацией в прошлом	4,8	5	305
Вербализация	4,7	4,8	307
Отвращение			
Соотнесение с ситуацией в прошлом	4,3	4,6	305
Вербализация	2,8	3,2	280
Общий показатель			

Согласно данным, представленных в таблице 2, дети с задержкой психического развития наиболее успешно дифференцируют (ср.зн. 4,8) и вербализируют (ср.зн. 4,8) страх и грусть (ср.зн. 4,5; ср.зн. 3,8, соответственно). Дети успешно вспоминают ситуации, где они испытывали радость,

и подробно их описывают (ср.зн. 4,3; ср.зн. 4,2, соответственно). Младшие школьники испытывают затруднения в дифференциации, соотнесении с прошлым опытом и вербализации удивления (ср.зн. 3,2; ср.зн. 2,8, соответственно) и гнева (ср.зн. 3,2; ср.зн. 3, соответственно). Однако



эмоцию отвращения они понимают и вспоминают ситуации, где ранее испытывали подобную эмоциональную реакцию (ср.зн. 4,3), но у них возникает затруднения в описании этой эмоции и ситуации, связанной с ней (ср.зн. 2,8).

В отличие дети с нормальным протеканием психического развития успешно понимают, соотносят с прошлым опытом и вербализируют такие эмоциональные реакции, как радость (ср.зн. 5; ср.зн. 4,8, соответственно), страх (ср.зн. 5; ср.зн. 4,8, соответственно), грусть (ср.зн. 4,9; ср.зн. 4,5, соответственно) и гнев (ср.зн. 4,8; ср.зн. 4,8, соответственно). Интересен тот факт, что показатели дифференцирования, идентификации с прошлым опытом и вербализации гнева у школьников одинаковые. В ходе беседы было выявлено, что дети легко описывают как сами ситуации, связанные с гневом, радостью и страхом, так и эмоции, они правильно и логично выстраивают причинно-следственные связи «ситуация – эмоциональная реакция». Затруднения школьники испытывают в понимании, соотнесении с прошлыми ситуациями и описании эмоции удивления (ср.зн. 3,9; ср.зн. 3,6, соответственно). В свою очередь, как и дети с задержкой психического развития, школьники с нормальным протеканием психического развития успешно идентифицируют и вспоминают ситуации, связанные с отвращением, с помощью мимики выражают ее, однако испытывают затруднения в вербализации ситуации и эмоциональной реакции.

С помощью U-критерия Манна-Уитни выявлены статистически достоверные различия по умению младших школьников рассказывать ситуации, связанные с гневом, и описывать проявление эмоции гнева ($U=140$, $p=0,01$), а также способности идентифицировать гнев и выделять причинно-следственные связи между ситуаций и эмоцией ($U=145$, $p=0,05$).

Трудности исследования и перспективы

В ходе проведения экспериментального исследования столкнулись с тем, что у младших школьников возникает затруднение в понимании и дифференциации своих эмоциональных проявлений в той или иной ситуации и в описании (вербализации) эмоциональных состояний. Дети больше рассказывают о том, что делают они и окружающие люди в предложенных нами ситуациях. В связи с чем, было выдвинуто предположение о том, что дети не умеют, не научены понимать, как свои переживания, эмоциональные проявления и ощущения, как реакцию на внешние раздражители, так и других людей, что свидетельствует о низком развитии эмоционального интеллекта.

В дальнейшем планируем разработать психодиагностический инструментарий и провести экспериментальное исследование оценки развития когнитивного компонента эмоционального реагирования у родителей детей с задержкой психического развития и с нормальным протеканием психического развития.

В перспективе считаем важным и необходимым разработать и внедрить мероприятия, направленные на развитие когнитивной оценки эмоционального реагирования в частности и повышения эмоционального интеллекта в общем у детей с задержкой психического развития и с нормальным протеканием психического развития, и их родителей.

Выводы

Таким образом, у детей с задержкой психического развития затруднена способность идентифицировать эмоциональные проявления и соотносить с ситуациями в прошлом (эмоциональная память) таких эмоций, как удивление



и отвращение. Наиболее сложно школьникам данной группы дается вербализовать и интерпретировать эмоциональные состояния. Они затрачивают больше времени на понимание и осмысливание, предложенных ситуаций, на дифференциацию эмоциональных проявлений и вербализацию собственных эмоциональных реакций, связанных с определенными ситуациями, в отличие от детей с нормальным протеканием психического развития. На вербальном и не вербальном уровне диагностируется оскудение, обеднение эмоциональных реакции на ситуации, в отличие от детей с нормальным протеканием психического развития. Затруднено понимание и интерпретация эмоциональных значений, возникающих ситуаций, выстраивание причинно-следственных связей «ситуация – эмоциональная реакция». У младших школьников выявлены сложности в способности оценивать и предвидеть эмоциональные последствия в тех или иных ситуациях. Определено, что дети наиболее успешно имеют представления, воспринимают, понимают и вербализуют из всего спектра эмоций страх и грусть.

В отличие у детей с нормальным протеканием психического развития больше выражена способность в идентификации эмоциональных проявлениях, их восприятии и понимании. Они более живо словесно описывают и показывают с помощью жестов и мимики эмоциональные реакции на различные ситуации. Их словарный запас больше, чем у детей с задержкой психического развития, насыщен прилагательными различного эмоционального окраса. Однако, им также с затруднением даются идентификация и соотнесение с ситуациями в прошлом эмоции удивления. Младшим школьникам также сложно описать эмоциональные проявления и сами ситуации, связанные с переживанием удивления

и отвращения. Дети наиболее успешно дифференцируют, воспринимают, соотносят с прошлым опытом и рассказывают о ситуациях, связанных с переживанием радости, страха, грусти и гнева.

Список литературы:

1. Артемьева Т. П. Изучение и развитие эмоциональной сферы младших школьников с умственной отсталостью и задержкой психического развития // Специальное образование. — 2016. — № 1 (41). — С. 5-15.
2. Белопольская Н. Л. Психологическая диагностика личности детей с задержкой психического развития. — М.: «Когито-Центр», 2009. — 47 с.
3. Булгаков А. В. Принцип культурного опосредования как основа сравнительного анализа результатов исследований межгрупповой адаптации в организациях // Вестник РГГУ: научно-практическое издание. Серия «Психология. Педагогика. Образование». — 2015. — № 10 (153). — С. 37-59.
4. Верхотурова Н. Ю. Комплексная оценка эмоционального реагирования учащихся младшего школьного возраста с нарушением интеллектуального развития // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2012. — № 4 (43), Т. 2. — С. 142-146.
5. Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я. Теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина: история и современность // Образование и наука. — 2017. — Т. 19, № 2. — С. 145-160.
6. Готтман Джон, Деклер Джоан. Эмоциональный интеллект ребенка. Практическое руководство для родителей; пер. с англ. Г. Федотовой. — 4-е изд. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. — 269 с.
7. Дмитриева С. А, Верхотурова Н. Ю. Эмоциональное реагирование: феноменология, структурно-компонентный



- состав, проблемы и перспективы исследования. Сибирский педагогический журнал. — 2018. — №3. — С. 90-98.
8. Изард К. Э. Психология эмоций; пер с англ. А. М. Татлыбаевой. — СПб.: Питер, 2011. — 461 с.
 9. Изотова Е. И. Социокультурная вариация модели эмоционального развития в детском и подростковом возрастах // Психологические исследования. — 2017. — Т. 10, № 55. — URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n55/1483-izotova55.html>.
 10. Изотова Е. И., Никифорова Е. В. Эмоциональная сфера ребенка. Теория и практика. — М.: Академия, 2004. — 288 с.
 11. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства: учебное пособие. — 2-е изд. — Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2018. — 782 с.
 12. Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н. Психология развития и возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека: учебное пособие. — 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2020. — 420 с.
 13. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции // Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман. — М.: ЧеРо, 2005, — с. 57-65.
 14. Либина А. В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. — М.: Эксмо, 2008. — 400 с.
 15. Мордвинова Е. А., Зобнина Г. А. Методические аспекты формирования эмоциональной сферы личности младших школьников // Научный альманах. — 2015. — № 9(11). — С. 232-235.
 16. Blankson N., Weaver J., Leerkes Esther M., O'Brien M., Calkins S., Marcovitch S. Cognitive and Emotional Processes as Predictors of a Successful Transition into School // Early Education and Development. — 2017. — Vol. 28, Issue 1. — 1-20 p. <https://doi.org/10.1080/10409289.2016.1183434>.
 17. Halle T., Darling-Churchill K. Review of measures of social and emotional development // Journal of Applied Developmental Psychology. — 2016. — Vol.45. — 8-18 p. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2016.02.003>.
 18. Stülb K., Messerli-Bürge N., Kakebeeke T. Assessment of emotional responses in preschoolers to an age-adapted stress task: Picture-based stress test and facial coding // Journal of Child and Adolescent Health. — 2018. — Vol. 2(2). — 14-18 p. DOI: 10.35841/child-health.2.2.14-18.

References

1. Artemieva T.P. Study and development of the emotional sphere of primary schoolchildren with mental retardation and mental retardation // Spezial'noe obrazovanie. - 2016. - №. 1 (41). - S. 5-15.
2. Belopolskaya N.L. Psychological diagnostics of the personality of children with mental retardation. - М.: «Kogito-Centr», 2009. - 47 s.
3. Bulgakov A. V. Principle of cultural mediation as the basis for comparative analysis of the results of studies of intergroup adaptation in organizations // Vestnik RGGU: nauchno-prakticheskoe izdanie. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie». - 2015. - №. 10 (153). - S. 37-59.
4. Verkhoturova N. Yu. Comprehensive assessment of the emotional response of primary schoolchildren with intellectual disabilities // Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta. — 2012. - № 4 (43), T. 2. - S. 142-146.
5. Vyatkin B.A., Dorfman L.Ya. The theory of integral individuality of V.S. Merlin: history and modernity // Obrazovanie i nauka. - 2017. - T. 19, № 2. - S. 145-160.
6. Gottman John, Decler Joan. The emotional intelligence of the child. A practical guide for parents; per. from English G. Fedotova. - 4-e izd.. - М.: Mann, Ivanov i Ferber, 2018. - 269 s.



7. Dmitrieva S.A., Verkhoturova N.Yu. Emotional response: phenomenology, structural-component composition, problems and research prospects // *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*. - 2018. - № 3. - S. 90-98.
8. IZARD K.E. The psychology of emotions; lane from English. A.M. Tatlybaeva. - SPb.: Piter, 2011.-- 461 s.
9. Izotova E.I. Sociocultural variation of the model of emotional development in childhood and adolescence // *Psikhologicheskie issledovaniya*. - 2017. - T.10, №55. - URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n55/1483-izotova55.html>
10. Izotova E.I., Nikiforova E.V. The emotional sphere of the child. Theory and practice. - M.: Akademiya, 2004 .- 288 s.
11. Ilyin, EP Emotions and feelings: a tutorial. - 2nd ed. - Sankt-Peterburg [i dr.]: Piter, 2018. - 782 s.
12. Kulagina I.Yu., Kolyutsky V.N. Developmental psychology and developmental psychology: The complete life cycle of human development: a tutorial. - 2nd ed. - M.: Akademicheskij Proekt, 2020. - 420 s.
13. Leontiev A.N. Needs, motives, emotions // *Psychology of motivation and emotions* / ed. Yu.B. Gippenreiter, M.V. Falikman. - M.: CheRo, 2005, - S. 57-65.
14. Libina A.V. Coping intelligence: a person in a difficult life situation. - M.: E`ksmo, 2008. - 400 s.
15. Mordvinova E.A., Zobnina G.A. Methodological aspects of the formation of the emotional sphere of the personality of primary schoolchildren // *Nauchny`j al`manakh*. - 2015. - № 9 (11). - S. 232-235.
16. Blankson N., Weaver J., Leerkes Esther M., O'Brien M., Calkins S., Marcovitch S. Cognitive and Emotional Processes as Predictors of a Successful Transition into School // *Early Education and Development*. — 2017. — Vol. 28, Issue 1. — 1-20 p. <https://doi.org/10.1080/10409289.2016.1183434>.
17. Halle T., Darling-Churchill K. Review of measures of social and emotional development // *Journal of Applied Developmental Psychology*. — 2016. — Vol.45. — 8-18 p. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2016.02.003>.
18. Stülb K., Messerli-Bürgy N., Kakebeeke T. Assessment of emotional responses in preschoolers to an age-adapted stress task: Picture-based stress test and facial coding // *Journal of Child and Adolescent Health*. — 2018. — Vol. 2(2). — 14-18 p. DOI: 10.35841/child-health.2.2.14-18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ушакова Владислава Романовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова,
E-mail: Vladislava-R@i.ua
ORCID iD: 0000-0001-8317-2518;
eLIBRARY
SPIN: 5663-3487.

Information about authors:

Vladislava R. Ushakova

Ph.D. in Psychology, is Associate Professor of Chair of Psychology, Crimean Engineering and Pedagogical University by Fevzi Yakubova.
E-mail: Vladislava-R@i.ua
ORCID iD: 0000-0001-8317-2518;
eLIBRARY SPIN-code: 5663-3487.

ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ

RUSSIAN JOURNAL
OF HUMANISTIC PSYCHOLOGY

Том 8 • №1 • 2021

Volume 8 • Issue 1 • 2021